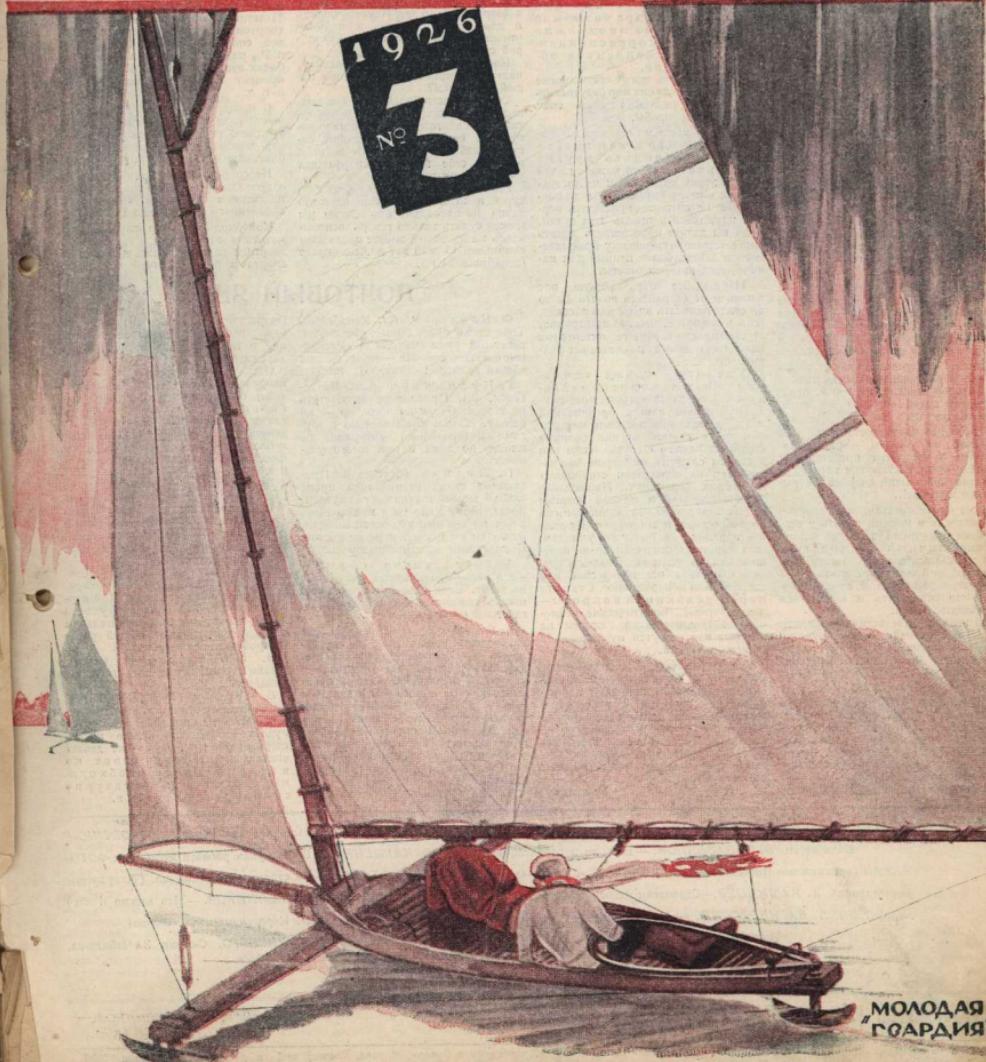

СМЕНА

★ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ ★

1926
№ 3

МОЛОДАЯ
Гвардия

КОРРЕСПОНДЕНТАМ „СМЕНЫ“

Дорогие товарищи!

В редакцию нашего журнала еженощно поступают более 25 привычных рукописей; это составляет около трети всех журналов, порции в 350—400 рукописей.

По качеству присыпаемого материала оказывается, что лишь 1—2 процента (т.е. 4—8 из 400) приблизительно может быть использовано в печати.

Кто же, откуда и почему пишет?.. Можем без большой ошибки сказать, что пишут все и отовсюду. Получая более 600—700 рукописей в месяц мы наблюдаем и убеждаемся, что в массе это — не устаканный кадр корреспондентов, а большинство — люди из числа друзей автора. Ежеминно мы имеем смену авторского состава не менее как на 70%.

Пишут горожане и деревенские комсомольцы, пишут молодые и взрослые беспартийные рабочие, пишут деревенские парни и девушки, пишут учащиеся по II ступ. и сельск., школьные, работники, пишут служащие краснофлотской школы, служащие погран. и различных отрядов, чехословацкие и балтийские моряки, летчики и многие другие.

На адресах авторов пестрят названия городов: Ахалцихе, Владикавказ, Ташкент, Баку, Пятигорск, Одесса... и бесконечные поселки, станции, аэродромы, коттеджи и колхозы. Громадное большинство (до 75%) всего присыпаемого — составляют письма.

Здесь мы имеем и первые пробы авторов, здесь и чуть ли не полные собрания сочинений провинциальных поэтов, здесь и лирика и стихотворения, настроенные к юбилеям и цепые поэмы и романы в стихах.

Многие из рукописей носят следы самой первоначальной грамотности их авторов, многие, наоборот, представляют собой образцы безупречной переписки.

Остальная часть, составляют, как называют их авторы, «раскраски», которые в сущности представляют собой и очень пестрые перекраски с посткрайними отверкими и отрывочными эпизодами...

Если присмотреться, не говоря о недостатках в умении писать и пр., то всем рукописям то легко можно уловить, яичный подхвост, вороний хвост и их различные производные, из них прибегут и хотят определить в сюжете литературное дарование, свято ли и чисто ли талантливость и попытаться напечатать с ее б.

Об этом свидетельствуют вопросы в письмах, прилагаемых к рукописям; в них спрашивают: Стют ли мне писать? Могу ли я стать поэтом? Неужели вы не поддержите начинаящего писателя?.. пр.

Приходится подходить к присыпающимому, как к литературным произведениям и, несмотря на большое сочувствие к начинаяющему писателю, ограничиваться признанием в почетном «яичнике» их большей или меньшей непригодности.

А между тем, многие товарищи,

прислав одно случайное стихотворение, тотчас же спрашивают: Можно ли ставить вашим корреспондентам? Я хочу быть подвезенным на нашем журнале! Скажите, о чем писать?

Указания личными письмами отдельных т. т. не предотвращают рукописного потока в указанном его направлении.

Пока авторы ищут другого, более практического применения застывшимими ими сил. ряд вопросов остается совершенно заброшенным и тщетно ждут освещения и соответствующими усилиями корреспондентами.

И в настоящий время перед «СМЕНЫ» стоит задача организовать вокруг себя кадр возможного и одновременного и возможного постоянных корреспондентов — общественников.

И на этот путь могут ступить многие т. т., которые до сих пор безуспешно предлагали редакции лишь свои литературные пробы.

Каким же путем этого достигнуть? Что и как писать чтобы получились другие результаты? И вот здесь, кажется, что лучше к этому следующее: instead of турнирных опытов — присыпай только лучшее, не спешите присыпать первые удивленные написать вам стихи. Этим вы дадите возможность делать более тщательную оценку присыпающих и давать более ценные для начинающих авторов ответы.

Наблюдаются окружающие вас жизнь и не старайтесь во что бы то ни стало написать очерк или рассказ, если чувствуете, что это вам трудно. Лучше просто сообщите интересные наблюдения, подмеченные факты и пр.

Уделите больше внимания живым корреспондентам. Собираите характерные случаи из жизни ваших организаций и др. и если они достойны порицания, мы создадим из них сборные страницы нашего «Кнута». Если они достойны слушать примером — мы напечатаем их «красными столбцами» в наших страницах. Наблюдайте за общественной и личной жизнью ваших товарищей — за культурными потребностями и способами их удовлетворения, за бытовым укладом, за товарищескими и семейными отношениями, условиями труда и т. д. — отмечайте все интересное и спорное, или ироническое. Ставьте перед редакцией в просьбе литературные, политические, саморазвивающиеся и пр. ответы на которые вам кажутся нужными для нашего читателя.

Следите за №№ «СМЕНЫ», вдумайтесь в ее содержание и внимание предложений, поправки, наблюдайте, как читается и распространяется «Смена», какое вызывает она отношение к себе и сообщайте об этом нам. Тогда вы сделаетесь для нас читателями журнала, живыми проводниками интересов всей рабочей молодежи.

Редакция

КОМСОМОЛ, ФИЗКУЛЬТУРА И ПОЛОВОЙ ВОПРОС

Врач Л. Васильевский

Одно из основных угодий в половом быту молодежи — это, известно, раннее начало половой жизни. История нервной системы и неокрепшие силы молодого организма, прежде временная половина жизни, часто связана, кроме того, с пользой ваннами, услугами проституции и болезнью венерического заражения.

Анкета, проведенная в 1922 г. в Москве, в Свердловском университете где большинство студентов-рабочие и крестьяне, показала пачальную картину: больные 40% всех юноши познали половую жизнь в возрасте до 16 лет. Неустойчивость и даже распущенность в половом отношении проникла и в школу вторую ступени.

Как бороться с этим явлением, поднимая нравственные силы и здоровье нашей молодежи?

Среди средств борьбы одно из важных мест занимает физкультура и спорт: у спортсмена укрепляется сила воли и нервная система, избыток живости и энергии находят себе выход в спортивных упражнениях играх.

Благотворное влияние физкультуры в этом отношении известно давно, но насколько оно велико, мы можем судить только теперь, основываясь на нашей анкете среди комсомольцев 16—18 лет в Ленинграде (декабрь 1924 г.).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Ф. Канатова (ст. Конавеево).

Твои стихи очень сильные, растянуты, неверный ритм (например, «Растянутые бегущие строчки — не вяжется с общим размером стиха»). Не пойдет.

Г. Кузинчев (Ива. — Вознесенск.). Присланное напечатать не можем. Очерк не плох, но не для сезона. Стихи сравнительно с другими начинающими авторами, не плохи, но пока в них много ученического.

П. Лидину (Сергеево). Присланые стихи очень плохи, кроме слабой техники, страдают внутренней прозаизмом. Дело не в подборе стихов, рифм, но в общей художественности. Этого ты ни в своей мере не достичь.

Пока пожмем на самообразование.

В. Гогор (Сибирь). «Макдональд» — прекрасен — придется в таком роде стоять. Если чувствуешь желание писать — связывай с редакцией стенной газеты и помогай ей.

А. Семенову (Ростов и д.). Так складываются жизни, что ты делаешь в «Беспринорном» и в «Продажных» — ненадышь. Ты преувеличиваешь, ты спрашиваешь и очень показываешь свои выводы. Это делается только в баснях. Читатель будет больше сопротивляться твоей открытой тенденциозности и не обратит внимания на твои призымы, гнев и пр.

«Руки завода» многоголосно, длинно, но лучше нет только цельности замысла.

А. Латинину (Ленинград).

Очерк очень слабый, совершенно неверно построен. Это просто сообщение о каком-то парне, без выбора характерного.

Очень плохо построена речь, много неправильного в употреблении слов: «матеря охвачена пламенем религиозного дурмана» — это уж слишком «епартийные дни» как будто действительные бывают и партийные беспартийные дни — «кровь охвачена идеей» — неверное выражение и т. д.

Все отмечаемое — результаты твоего еще слабого образования, пока учёба. Н. Улонову (г. Баку). Стихи твои при сравнительной звучности и ритмичности — очень неопределены по настроению. Добейся больших ясности и краткости.

Л. Николаеву (Кашир). Стихование напечатать не можем. К юбилею он запоздал. Для первого опыта она не плох. Неудачи в нем — начальные и заключительные стихи, они требуют общих ритмов. Погоруба просище еле.

Л. Юльиному (Киев). Пложи строки перед последней. Ни пойдет.

Б. Черных (Тула). Напечатать не можем. В стихах много трескучей боякости, крикливости, от этого нужно избавиться, нужно писать сдержанней, т. к. путь — не делает впечатления. Писать стоит, но в первую голову необходимо серьезно литература самообразовываться.

СОДЕРЖАНИЕ: Г. ШУБИН — На Онеге (окончание). А. ЖАРОВ — Делегаты. П. РОМАНОВ — Безвыходное положение. К. ЯКОВЧИК — Воля весен. В. САРАБЬЯНОВ — Есть ли эксплуатация в СССР. З. КАРПЕНКО — В коммунах рабочей молодежи. ФОТОЭКРАН (хроника политических событий). ПРОФ. К. БАЕВ — О чём говорят звезды. ТРАПС — По стране льва и солнца. (Тегеранские впечатления). А. КАШИНЦЕВ — Строители небоскребов. Б. ВИНТЕР — Бурный спорт. Н. ОРУЖЕЙНИКОВ — Что можно и чего нельзя? Д-Р Л. ВАСИЛЕВСКИЙ — Комсомол, физкультура и полововой вопрос. Почта «Смены». Корреспондентам «Смены». Иллюстрации: В. БАФОНА, Н. СОКОЛОВА, К. УРБЕТИС, М. ЯГУЖИНСКОГО. Снимки З. Чеботаева, «Руссфото», Трапса, «Wide World Photo» и Н. Ягужинского.

Обложка работы В. ДОБРОКОЛОНСКОГО.

РЕДКОЛЛЕГИЯ {

А. Горюх, Л. Колесников,

С. Соловьев, С. Федоров, П. Ханин.

Отв. редактор П. КОЛЕСНИКОВ.

РЕДАКЦИЯ

Москва, Новая площадь, угол Черкасского переулка, д. № 6/7. Тел. 1-59-13

Рукописи принимаются, написанные на машинке или четко от руки на одной стороне листа.

СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
ИЗДАНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ
РОССИЙСКОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
из-во "МОЛОДАЯ Гвардия"

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1926 ГОД.

На 1 год — 24 ном.	4 руб.	10 коп.
* 6 мес. — 12	2	20
* 3 мес. — 6	1	40
* 1 мес. — 3	1	40
Отдельный №	23	

Подписку принимает Отдел Периодических Изданий Из-ва "Молодая Гвардия".
Москва, Новая площадь, д. № 6/7.

ФЕВРАЛЬ

1926 г.

№ 3

НА ОНЕГЕ

(Окончание)

Г. ШУБИН, иллюстрация В. ЕФАНОВА

...Крафучись, пробрался к материиной постели и долго смотрел ей в лицо, стараясь запомнить ее пасховый облик...

И ТИХАЯ ГРУСТЬ прокрадывалась в ум, говорила, что все это прошло и может быть, не повторится. Он встал, влез в окно и дулся проился к материиной кровати и долго смотрел ей в лицо, стараясь унести, надолго запомнить ее ласковый облик. Потом тихонько выпрыгнул в окно и пошел на пристань, не взяв ничего.

VII

«МИЛЫЙ ПАВЛИК! Пиши тебе в т же утро. Пришла до- мой, легла, а спустя не моя. И было тихо, только вода капала, скрипела. Павел, любил ли ты меня когда-нибудь? Я никого. Где же будешь и завтра же расскажешь обо всем, что случилось, ребятам. Папа просыпал и побежал на пристань распоряжаться, чтобы Юнона отвез вас в город. Павел, Петьяка передаст тебе небольшую посыпку, — это от меня. Из окна мне виден город. Площадь полна на- рода. Красноли флаги. Играет музыка. Слышина салюты. Это провожают вас. Павел, ты может быть, меня ждешь, обещала привезти. Но не еди. Я боюсь, что не сяду в «чесноковину» сердца. Я лучше рано напишу тебе письмо, тебе я знаю, что в это время я думала про тебя. Я прошу написать, как вас провожали; тяя и узнаю это от ребят. Но интересно,

что ты в это время перекинув. Кого вспоминал. «Соловьев» дали второй список. Все двинулись в Орловскую зону громче. До сознания Павлик. Не верю, что тебя убьют, ты вырастешь большим человеком и послужишь обществу. Написала бы еще, да нет подходящих слов. Получи посыпку и поезжай, а я буду тебя ждать.

Груния.

«Милая Груния! Страна в теплушке. Вчера выехали из Москвы на Киев. Перед отъездом был концерт. Теснота в зале. Соловьев произнес нас и с побубами говорил речь, а мы шли мимо него в полной амуниции и с ружьями. Дома в Москве высокие. Рек больших нет. Моря тоже нет. Комсомольцы здешние трепали порядочные. Меня, Груния, как члена укома, назначили политруком. И я непрерывно накапливала в бойцовской роты энергию, а также читала газеты и разясняю текущий момент. Выдали обмунди- ровку. На мне все велико, но перешла и все враз. Хочу снятья, но нет удачного момента. Спирько, как всегда, занимали капитанским, пла- реном, между попона.

А теперь, Груния, согласлю твой просьбе, опиши, как провожали нас в родном городе. Но прежде всего ты напрасно думаешь, будто я шла с кем-то к тебе. Даже не думал. И обидно, что ты сомневалась, что я забуду. Я не маленьчика, чтобы сегодня полюбить, а завтра раз-

любить. Ничего подобного, я смотрю на вещи серьезно. А твоя сомнения, что проболтались ребятам, — это восторг для меня. Хотя я и не имею опыта в любви, но могу догадываться, как нехорошо девушки, когда парень болтует и хватстун. Будь спокойна, я смотрю на вещи серьезно.

Итак, Груния, нас провожали с музыкой и оркестрами, но все это ты видела вспомни. Вместе с нам прибывающими ехал недородимый липкий Семерик полк. Наша ребята с'ехали в один из гаражей, оставив дома свою лучшую одежду. У всех были корзиночки с едой, только у меня не было ничего. И представь мою радость, когда подходит Петьяк и подает твою посыпку. Его лицо мне очень понравилось.

Он спросил:

— Нет ли у тебя каких поручений?

— Скажи маме, что теперь не до матерей.

Время летит. Еще в мае я приехала в Москву. Правда, не писала. Присела на позабудку. Отец гневается и пуск гневается. Ему ничего не говори. Пусть меньше егаплиней читает, больше о маме заботится. Там в укомодре не получено у меня жалованье месяца за два, написи доверенность сам, получи и отдай маме. Потом сходи к доктору, нажми, пуск он еще придет к ней даст лекарств бесплатно.

Петьяк все обещал сделать. Он был очень расстроен.

— Что с тобой? — спросил я.

— Все, — говорит, — явился: одного Стальского убил. Так и знал. А ты еще за него заступался?

Погоди, — говорю, — придет. Не может Колька Стальский быть дезертиром.

В этот момент подходит Колькин отец, инженер, снимает шляпу и говорит:

— Всю-то, Кудрявцев.

— Я, — отвечает Петяка.

Знает, — говорит, — несчастье Мой сын третьего дня был на охоте, его покусали комары, и у него мазирия. Что делать. Он остается. Вот удостоверение врача.

Петяка берет удостоверение, видит печати, подпись и успокаивается.

Все пишут своим чередом.

Выслушали с речами. После каждой речи играла музыка и стреляли винтовки. Выступил военным 5-го Сенегаров полк т. Черкасов. От оставшихся высунулася тут Кучерин. От уезжающей моделеки — я.

Я не смутился, влез на трибуну и заорал во всю глотку:

— Товариши, рабочая молодежь будет в пе-
редовых рядах. Даешь Варшаву!

Всем понравилась моя короткая речь. Как и другим, выстроились из ружей, а музыка загряла туши. Когда слез, — меня кто-то начал комомыши и даже кашлять. Кашал и твой папаша, а также Кудрявцев секретарь укома молодежи.

Потом стройными рядами пошли на пристань. Началася кашляния. Поплыли плащ, воины. Женщины пришли с мужами, матери с сыновьями, невесты с женихами. Ты спрашивала, кого я вспомнил в этот момент. Я вспоминал тебя и маму. Но пот посадка кончилась. Подбегает незнакомая девушка и, когда пароход уже тронулся, сунула мне букет ландышей. Я вспоминал про тебя и незаметно бросил букет в воду. Па-
роход отчалил. Пристани украсилась белыми платками. Мы махали шапками и пели революционные песни. Некоторые из ребят плакали и и убегали в трюм, чтоб никто не видел. Я не плакал.

Вот как мы уезжали. Написал бы еще про свою пережившую, когда ехали по Белому морю, как нас величили и провожали в Архангельск, сколько раз, что почта не примет такого большого письма. Твои сухари с'ест почти все. Осталось несколько штук, ихя берегут, хотя харя захти какай. Помогают Сирька капитаном. Говорят, нас сразу вынули в бой. И хочется и страшно, не подоша виду. Ну, до синданья, Груша, целую тебя много раз. Телушка трясет, так что рука прыгает и писать очень тяжело. До синданья. Пиши.

Твой до гроба

Политрук Павел Савельев.

VIII

ДОКТОР обедал.

— Кто болен? Где больной? — брюзжал он, сидя перед дымящейся миской супа. — Кто, Савельев? Она поправляется. Что вы путаете, батенька.

Уней сун уехал на войну... сегодня... утром... Скорее, доктор...

— Куда вы спешите батенька? Невеста ваша что-ли умерла.

Доктор зделал. Когда они пришли, Аграфена Петровна все еще лежала в забытии. Старик сидел возле, глядел на нее, что-то бормотал и крестился. Доктор отстригал его, взял пульс, вынул часы.

Опять опять закричал он, нохах возлеух, — сколько раз говорил. Лампадку зажгли, а окна не открыли. Откройте. Гм... скажите, — обрадовал он и старинку — ваш сун что? Солдат?

Старик указал на Петяка.

— Вот он скажет, — отвечал. — Он был комсомолец. Его выделили на фронт.

— Ага, значит, не солдат. Но ведь это варварство... протянул он возмущенно, — я ноги был и не ити его за это не рассстреляли бы. Ведь он убил свою матерь. Ну, это же такое. Доктор развел руками. Где у вас сердце, молодые люди? Нет сердца у коммунистов?

Она снова склонился над больной. Она заневелилась.

Не было денежек. Витячка — не было, — услышали все невинчивое всхлипывание, — не было денежек... не было...

Что она говорит? — спросил доктор у старики.

— Вспоминает Витячку. Первенец был. Утонул в речке. Любила шибко.

— Давно утонул?

— Да, когда еще с колдатчину отбывал. Лег двадцать прошло. Она без мени бедно жила...

— Пойдемте, — сказал доктор Петяка.

Они вышли.

Дело дриня, — произнес он, пыхтя и отдуваясь, после сырого обеда — старуха была бы жива, если бы... у сына было сердце. Скажите, он ее любил?

Так мало теперь матерей любят, как он любил.

— Не понимаю, Фрр... Не мог оставаться. Ведь этот союз... это игра во взрослых.

ДЕЛЕГАТЫ

Сбором, ребя, со всех по пятаку.
Вот это дело.

Пусть Андрей займетесь...

В деревне — радио. Культуру — музинку...
Товарищи... откуда что берется?

Все куплено. Готов мандат.
Блесчит приемник свежими красным лаком.
И вот: Андрея Крымкин — делегат
В родине село
С родимого рабфака...

Вдогонку поезду галдят друзья:
— Андрей.

Пиши, как встретились с народом...
На пятый день приехал он в края,
В которых не было

Больше, чем два года.

II

Сегодня праздник, гидро, годовой:
Всезде глядят бабы-ботозинки.

Андрей сидит

Забекал дома,

Но не к себе

К секретарю яичек.

У Рындинских со свежим хлебом чай,
Закуска и хмельного чарка.

— Здоров, Никита. Гости принимай,
Но так себе,

С рабфаковским подарком.

— Ну, как живем, почтенный дед Сельверст?

— Председательства я — полстарость наказывай.

— А я в читальне

Радио привез.

Созывай бы молодежь скорее на собрание.

Ну где-же съезди. Праздник чай, теперь,
По письмам делки-свиристелки,

А парни прут...

— Открой, Микита, дверь.

— Ну что-ж, так вместе двинем в поисделики.

III

Мальчишки звонко удачно галдят
Сквозь взрывы шуток, радости и смеха.

— Андриушки, и в поисделиках — дии-гат
Половинский сун в горуку прихал.

— Как делегат? Да что ты, в рот те нос...

— Ну, суйся, ребята, замолчи, обформоты:

— Из города

Половинский сун Аммос

Девченок учит танцевать

«Фак... строту»...

— А он говорит — куль-тура, надо знать...

А танец, так не очень, чтоб мотивный...

— Слыши: девки стали запевать

Романс цыганский

Голосом нарывников...

Андилюшка зынкул: «Я их распеку».

— Вали, ребя, скорей, заглянуть неймется...

Товарищи... Откуда что берется...

В деревне — радио.

Культуру — музинку.

Александр Жаров.

— Вы понимаете, доктор, что значит быть комсомольцем?

— Отлично понимаю: убивать матерей. Фрр...

И это ведь борьба, перекраине мир по своему?. . Вы вот что... я кое-что дам. Для щечки советски... И потом нужна бы сиделка, старик ненадежен. Может-быть найдется. Посидеть придется самое большое... доктор задумался, и решил: день. Петяка направился к Груше. Она охотно согласилась ухаживать за умирающей. Она дежурила около нее шесть часов до самой кончины. Приходили соседи качали головой и уходили. И все воинстви Павла. Груша сбежалася пущинела, кинела, точно бранили ее.

Прибегал и Петяка.

— Ну как? — спрашивал он, занимавшись от быстро ходившими ногами.

Прихопила в себя... — шептал Груша... — старики уговорили поклясться Павла. Она защелила губами, хотела сказать что-то и опять забылась.

Ерунда все эти... проклятия... свуреви...

— Нет, не скажи, — гордо убеждала Груша на тяжелом борьбе прощены не вымолишь...

Аграфена Прокопьевна бредила. Изкусов ее разбросанных бортиний Груша догадывалась лась о целом. Старуха считала себя виноватой перед Витенькой и боялась, что он вернется к ним на счета. Она убеждала его, что у нее не было «денег», что кто-то был в солдатах, поминала про инициалы.

— Какой иначе день? — хрюхала она.

— Среда, бабушка, — нахмурясь Груша над неко.

В среду вот тоже Аинька покояна предсталаась. Пришла из банных вкисну кхолод...

Женщина вспомнила, что говорит-то? Никак Грушина... — доктор-дикторская. Спасибо, милая.

Маменка-то здорова ли? А еще в среду Ере-ма хромой номер. Тот долго лежал.

Мысли старухи виршились, вились по сторону жизни. Только если ты... не хотел славиться и ходил, под синеву, под синеву, поливавшим одежду, сияющим в пестрах лоскутках

— Кузьма! блуждала она глазами лица старика — где ты, Кузьма? Зажги свечу перед иконой, помру — погибнешь. Да батюшку приведи.

Старик подошел к краюти, его губы тряслись. — Ты и вправду Аграфена Прокопьевна, на тот свет собралась — сказала он. И стал молить, жалобно, как ребенок: — подожди. Не ходи. Как же я... одни как палец. Страшно мне одному среди ненавистных людей жить. Погоди. Аграфена Прокопьевна...

— Витенька... — Витенька... дитятое милое — бормотала больная... — гриппоник не... волосы бел...

Старик пошел одеваться. Руки его прожали, он не мог застегнуть пуговицу на скортке. Груша помогла ему, надела шапку.

— Или из пана — учила она — скажи, что я просила его дать тебе моторную лодку. Быстрее с'ездить...

Поп был в городе, за рекой. Вскоре больная очнулась в последний раз.

— Где Кузьма-то? Кузьмама...

— Бабушка, глотни лекарство.

— Кузьмама! — хрюхала больная — эх... не дожусь батюшки увидеть свою господу покояться. Скользя красавица. Кузьме: то не скучает пусты... Ученик скорее пусты. Некому за пусты ходить. Заахрест он без меня... Ох... достань-ко от стекни портретик. Махоники. Тот. Подай сюда...

Она вцепилась в портрет руками, прижала к губам, потом к груди и замерла.

— Сынушка мой... смычка роценичек... — выкрикивала она, страшно тоскую... неукротимо... взаираю на матери... убекал... не веро... в кандалы заковали сильком учили... Скажи Кузьме... пусты прости... я прощ...

Груша плакала, кусала пальцы. Не в силах терпеть, выбросила краялью и когда вернулась, сунула густава крепко устоявшуюся чайницу. Бесцельно двинулась, она затянула свечку перед иконой из уважения к покойной, потом закрыла веер и вырвала из заключенных пальцев портрет прижатый к груди. Он был смочен слезами и предсмертными, еще не обсохшими потом. Груша сунула его в карман, вышла села на крыльцо и стала ждать...

Кузьма вернулся, когда тепло уже походило. Священника с ним не было. У старика нечем было заплатить, и когда он упросил «погулять» бесплатно, Груша сказала, что у нее нет лавочки и увела отца. Витенька, Кузьма прошел в дом, залернул дверь занавесками и вышел, кривясь в бороду.

— Аграфена-то Прокопьевна не его? — спросил он Грушу.

— Кого это?

— Его — упрямого новгородца старик.

— Она простила Павла и просила нас сделать то же...

Кузьма вздрогнул, вернулся в кабинку винес топор с маленьким, красным чучелом. В этом сундучке Навел хранил книжки, бумаги, перед отездом запер его, а ключ взял. Старик поставил сундучок на землю и поднял пальцы на руки. Крашка отпрыгнула в сторону. Руки поднялись в сущий момент — в конце бровницами начали рвать комкать разбрасывать. Кузьма истязал прамаг, немым и таким красноречивым беспыльным и в то же время силезе его. Вся улица, как снегом, покрылась из лепестками...

Груша подняла обрывок одного листка.

«Мы сильны, как динамит. Сила наши победит...»

В свободное время Павел сочинял стихии.

Груша встретила Петью.

— Эх-ма — сказала, — излишне — излишне — излишне... — пойдем. Всё можно отоваривать и бросить нас Ездил Павла!

Долго пали молча.

— Если бы мне сказали — проговорила Груша. — Грушишка вымыты серые, бросят собакам, и на земле сразу же не будет ни земельни, ни страданий. А если же яйца спасла, Ерисова собака их не съест... Петя, когда это будет?

Петья напомнил лоб.

Это было в июле, в двадцатом году, когда красные шли на Варшаву.

В тот же день Петья навестил Стальского.

— Вам кого... — остановил в прихожей дородная наушнившая барышня с киселевым на пухлой щеке.

— Коля.

— Я тоже матер. Вы обожайте.

«Ого! Без доклада не входите!». Или боятся чего. Нужно было нахрапом поиздя на ёх, авось сразу же все узнал. Петья поклонилась на колени, рассматривая обстановку. Все было густо заселено столовиками, креслами, стульями, разбросанными до потолка. Висела кисть с попугаем, кака чужаков кумирия Троцкий. Привезенная ею, извозчика долго искали место получше, а главное — пониднее.

— Прайдите.

Поницки в клетке заключились и закричали:

— Жиды комиссари, Жиды комиссари.

— Поника, перестань, пока его офицеры научили, когда стояли у нас Гитлеры.

Жирный азартный каше звяжало. Она открыла окно, вышла на крышу и села на крылечко. Она бросяла запах и свет чистой, уютной комнаты. Колыча лежал в постели, забодавшись укутаный в чистой, белой сорочке. Возле изголовья круглый столик и на нем склянки, с желтыми ярлыками, водка столика стул, на нем шахматы и развернутая книга.

Увидя гостя, большой приподнялся. Он не ждал Петью и вскоре показалась его встреча. Оба не любят друг друга.

— Лады братуха, лады, — сказал Петька грабовью по ласково, усаживаясь около кровати, — раз хвойэр — замри, не ригайся... Пришел, чтобы навестить...

— Спасибо.

— Принес от ребят. Говорят, пусть встанет.

— Им тоже спасибо... — прощептал растягиванию больной... — что новенькой?

— Все в порядке. Воня отправили. Скучно стало.

— Мне тоже скучно...

— Поправляйся.

Колыча, ободренный хорошим отношением Пети, пошел на кухню, стал жаловаться, что в яичек не доверяют ему никакой ответственной работы, и гордо цептил, что хворь подняла ему взятку, чтобы он «пососал». Петье все время казалось, что за дверью подслушиваючи. Он поднял книжку, лежащую на стуле, не

— В Чехе хуже будет! Стальский сознался...

ребра лекарства, незаметно спустил в карман какой-то порошок и сказал.

Поправляйся, работенку дадим.

Когда он ушел, Колыча сразу спрыгнул с постели. Он лежал в ботинках и брюках. Толстой друг друга вошли родители.

— Ура — крикнул Колыча — знаете, кто был. Заклятый недруг, который во всем загораживал мне путь. А сейчас он обещал мне ответственную работу...

— Всё-таки ты не выходи дни два — посоветовал отец.

И все пошли в столовую пить чай.

Доктор в своем маленьком садике возле, больницы вскипал грэдис.

— Можем вас на минутку? — окликнул Петья, прокурив через ногорду румяное лицо.

— Пожалуйста.

— Скажите, от чего эти порошки?

— Это порошки для предупреждения беременности.

— Это верно.

Доктор обиженно засопел.

— Ну, батенька я в таких вещах не ошибаюсь.

— Тогда мне нужно поговорить с вами серьезно. Только удобно ли здесь? Писать кое-что придется.

— Продвигите в мой кабинет. В чем дело?

— Дело в том, что вам придется подписать небольшую бумагу.

Петья вырвал из блокнота исписанный листок и положил на стол. Доктор наелся и в бумаге было написано разное, в том числе и грубое:

«Я, врач Кашинцев, согласен в том, что вы

дан члену РКМС Стальному Николаю ложное удостоверение, тем, что он заболел мазирией. Стальский мазирий не болел, а хотел избавиться от мобилизации.

Подпишите.

— Нет, батенька, таких бумагажек я не подпишу съязво.

— В Чехе хуже будет! Стальский сознался.

Пухлая шапка доктора побагровела.

— Даавайте.

И брезгливо подписал. Встал и спросил:

— Воня?

— Еще вопросчик, сколько вы продали это удостоверение?

— Я его не продавал. Я не признаю себя виноватом. Я не хочу, чтобы семнадцатилетние дети или на войну и умирать. Пусть воняают вонзостью, если хотят...

— До синицы, доктор.

Петья выбежал на улицу и, присвистывая, побежал в клуб. Ему было и горяко, и весело. Горяко оттого, что в яичек его оказался скурин. Весело оттого, что он оказался правым, Советы не призывают Стальского и члены.

В клубе его встретила Груша.

— Откуда?

Петья рассказывает.

— Ах, спасибо — негодует Груша, вспоминая Павла.

— Я его пристрелял, вот увидел!

— Это глупости, тамарин — говорит Груша уже спокойно — даши сана револьвер.

Петья упрямится — она отнимает.

— Эх и девка — ширится Петья. — загулял с собой, да стыдно...

— Кого?

— Павлиушки. На фронте.

Проходит несколько дней. Петья вновь навестит Стальского. Колыча высыпалась, смеялся и вместе с Петью вешал в клуб. Смесь, выплыли они на крыльцо, и не успел Колыча докончить, как-то шутники, как челюсти его хрюнули.

— Дело покажу мазирию, — гудел Петья, опуская новый удар, — слышиш проклятый! Примазывает вонзум.

— Пала... — закричал Колыча, приседая от боли.

Идут дни.

Вечерами цветет клуб голосами и лицами.

Озорство преисое, как ветром, сгустило.

— Хорошая молодежь стала — говорят по заведению.

И уже сами приходят в яичек.

Петруха, запиши к себе сорванца.

— Такое?

— Сладу нет. Во всем перечит не слушает. Образумьте.

— А сам-то что. Ты же отец?

— Разве иначе слушают отцов. Нынче яичек отца заменили.

Гряды, из парня выходит юлк.

Гряды втинала в работу. Ее назначили заливать клубом. И с жаждой забытьностью и хлопотливостью она его прибрала, так изукрашила, что либо заты. Часто вспоминает она ту ночь, когда голубое, веселое, синее солнце мотычки. Все как-то. Где-то дрожит земля, от проектной крана поднимается пар. Может быть, от его крови поднимается пар. Жареные губы ползодели. Веселые глаза поблеск.

Лицо синеет, а губы краснеют.

— Вернись ли?

Сердце шумит.

Конец.

БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

— Малоземелье прямо замучило. Вертись им право, как чумовые, только и делаем, что делим да переделаем. Люди пахать или косить давно начали а мы по полю с шестами, да с вениками гоняем.

— А что же у вас это-то гуляет, — сказал землемер, указав на задворки и бугры, спускавшиеся в лощину к речке.

Все испуганно оглянулись по сторонам.

— Где гуляет?

— А воин горные бугры от гумен до самого ручья.

— А... Это неудобная, тут бугор. Она спокойно так лежит. Её пахать нельзя, лошади тяжело.

— А логотай вскопать?

— Лопатами у нас не копают. Это все равно, чо на покос с ножницами итак.

— Такой-то, неудобной-то у нас сколько хопчи, — сказали мужчины, — вон сейчас за деревень выгон начиняется, так там десятин 70 будет.

— Тоже в буграх весь? — спросил землемер.

— Нет, ровный, как стол.

— Что-ж вы его, как стол?

— У нас выгонов не пашут. Лугов вот тоже нету. Зарыли было на соседский лужек, тут деревеня у нас хотели у них оттаягать. Не вышло дело.

— А-а-а! — они на суде выиграла?

— Нет, у нас на лугу и выиграла, — отвечали мужчины, — они с ружьями пришли, а у нас только колыбы были.

— Ежели сена мало, так свеклы бы сажали. Это получше всячного сена.

— Свеклу у нас не сажают.

— А что-ж у вас свеклы?

— Так..., — картофель. А тебе первы поплы эти помидоры сажать. Естьих-ни-исто не ест, только зри место занимают. А тут что нужное — земли нету.

— Так зачем же вы их сажаете?

— Вот спроси, — какой-то дурак надумал — все и стали сажать, ну и себе конечно, сажаешь, а что от него толку — в рот взять противно.

— Всё вышила я, — Воронцов землемер с председателем. Сзади него сидел землемер с лабилю в кепке, несли так как носят ином, держка впереди перед собой на вытищенных руках.

— Вот он батюшка потянулся — сказали с раздражением мужчины, показав на бесконечный выгон за деревень, покрытый мелким обледаным кустарником и сухими кочками. По выгону ходили спутанные лошади, обнажая зубы, выдыхали из земли пожелтевшую вязкенную солницем полувересковую траву. А в стороне на кустарниках сидели ребята и играли в скайки.

— И так земли нету, а тут под ним десятина пропадает.

— А кто ее мерил. Тут, гладиши и больше будет. Ежели у нас вон неудобную подсчитывать, пожалуй, половина всей земли будет...

— Ее с каждым годом все больше и больше. Как передел, так хороший колок и выскакивает. Потому каждый норовит от плохой отделяться, да получив ключом себе ухватиться. А с рвами, да с кустарниками ее никому не вспущешь.

— Я в третьем году заплашал свою дальнину ключом не пахал, а иначе пошел, глянул... — матыв... — лес вырыл! В аршин пол твой березняк. Так и прапаг залог. Теперь леса доказывают.

— Лет тридцать всего и подождать, — сказали сзади.

— А до того скроу за грибами туда ходи.

— Только и остается.

— А до чего до земли жады! — сказал кто-то — ох как жады! Иной из-за вершки готов горло перервать.

— Надо как-нибудь добывать. Откуда-ж ее возьмешь...

— А вы бы работали лучше.

— Бедному сколько ни работай. Вон богатые... как у него — байды гладкие, так они, леха на чепце работают. Зиму поработал таким манером, глядь весной две палки земли получил. неуже Глотова. А с нашими бабами нешто земли дубешки.

— А как переделим, пока еще межи не заросли, так и сидим все почки на поле — караулим, а то, того гляди, смахнут. — между перепашут.

— Вон у Фомы Косого и межи заросли, а цели аршин — как сквозь землю провалились.

— Землемер поставил треножник и прижалжал аппарат, а окколо него стояли мужчины и смотрели.

— Сейчас, Фома, твоя земля найдется. Как нацепится, так и готово, — говорил какой-то малый в лохматой шапке.

— А поперек с целью что ли будет ходить?

— С цепью — отвечал землемер, занятый аппаратом.

К нему подошли мужчины с Ивановской слободы и сказали тихонько:

— Это наша земля ивановская, так вы нас определите с цепью ходить, а то, ежели с чужой, Алексеевской, слободы пойдут, они нам больше покажут.

Потом подошли мужчины с другой слободы и сказали:

— Вы с цепью нас пошиле а то эта земля Ивановской слободы если их самих послать, они меньше покажут потому соседи, и чтобы им за наш счет больше досталось.

— Ну идите что хотите. Пусть ивановские идут, — сказал землемер — ведь вы сами тут будете вот и следите.

Из деревни пришли с цепью а за ними хвостом потянулась вся Алексеевская слобода.

— Куда вы?

— Вали вали и стесняйся, мы не помещаем. Они боятся что им свет загородят, — сказал малый в шапке.

— Свет не свет, а что ты как кобели в никту вытигнулись, только собачьша из-за вас.

— Всей деревней поправим.

Только что приложили цепь и сделали лопата оттаку, как сейчас же десяток голосов закричали.

Эй эй где копаешь. Дергавший конец цепи Степан Глотов сначала посмотрел на землю, потом на мужчин.

— А что?

— То, что на целиком вершок укрыт. За такие дела, брат, кишки выпустим. Детям донимаешь, да еще норовишь обжульть.

Цепь взяли мужчины с Алексеевской слободы. И пошли мерить. И как только они протаскали цепь во всю длину так все бросились смотреть друг друга вместе как бросаются, когда играют в орликун и смотрят как упадла монета.

Эй эй что на целую четверть брешешь! — закричала Ивановская слобода. — Головой об землю хочешь?

— Что это они обшиваются то дюжок? — спрашивал маленький подследственный мужичек, дергая крайнюю за ползу.

— Земля, должно черновая, кочки.

— Чо-ж он с машинкой то?

— Направляйте погонче, а то тут-то четверть лишишего то четверти не хватает — кричал малый в шапке землемер, который стоял на бугорике и нацепился тремя ногами, припринял один глаз.

— Насчет земли, — сказал землемер, — говорит Фома Косой, выглядывает из за бровей и сини.

— Успеешь никуда не уйдет твои земли.

— Не уйдет, — отозвалась старничок в лапотах и длинной рубахе, — у меня в прошлом году весь загон как сквозь землю провалился. Все сюжет а я своей земли никак не найду пропала.

да и только. Потом уж добрые люди пришли и говорят: — Сейчас твой загон видели. Где? — спрашивали.

Оказывается его к самому оврагушибанили. А боял почтесь около самой деревни.

— Земли у меня, — вон какий и норовит отхвать кучесочку получше.

— Полоските вы там! — крикнули меришние, сколько всегоышло?

— 260 сажен и еще кучесочк лапти на два.

— Тыфу!, — Всегда виноваты мерили — 280 было. Куда ж она делась-то?

— Чо же вы там с машинкой? Может, же в ту сторону вертите?

— А что?

— Да дюжок мало получается.

— а то не причем... — сказали землемер и опять припали к трубке.

— Он там не причем, а нам хлеба сеять нечего. Ведь это и не земли на человека не хватит. Вот тут и добывай хлеба. А тут бабы еще раздриздились нет на них погибли.

— Что правда, будешь делать. Ну, нету земли и сабаш!

— Может, машинка-то его за кочкицепляет, вот и выходит мало.

— А что она через кочки-то берет? — спрашивал подойдя к землемеру маленький мужичок, стоя несколько отдален от аппарата.

— Опять спасибо за варварство.

— Берет... не мешай.

О КОЛО волостного совета толпились мужчины. Сидели на бревнах, на траве, курили и говорили, ожидая чего-то.

— Чтото-то братцы, народ-то собирают? — спрашивали вновь подходившие.

— Землю делить...

— Опять делить... Ай, новой где прирезали?

— Нет старая.

— Тифу!.. Неубойной что-ли опять набрасалось?

— Нет, у Степана Глотова жена двойню родила. Проси две палки дать. А там еще кой у кого...

— Вот наказание, ей богу. И так земли нету, а тут еще эти черти каждый год новых ребят катают.

— Теперь двойнями пошли, скоро целыми пачками начнут работать.

Не успела собраться и половина народу, как прибежал с Ивановской слободы Фома Косой и крикнул с таким растерянным видом, с каким кричал о пожаре:

— Братья, у меня земля пропала!

— Чо-ж пропала?

— С пола откуда же ей больше.

— Всю пропала?

— Нет, с аршин только. Пощел перед землемером проверить, прикинулся, и обмылся: аршинка не хватает.

— Из совета вышел председатель на крыльце и крикнул:

— Идите на поле сейчас придем.

— Тут земля пропала...

— Чья? Куда...

— Фома Косой, а куда — неизвестно.

Еще новое дело...

Председатель с минуту постоял в нерешительности, потом махнул рукой и сказал:

— Ну ладно, сейчас разберемся.

Вышел землемер, и, поздоровавшись, сказал:

— Ай земли очень много, что никак не разделишь...

Земли столько, что телушка по своей земле хокает а хвостом над чужой хвастает — сказали мужчины. Каждый год ее делим, вытаскиваем так и сии, а ее все меньше и меньше. Скоро и делить нечего будет.

— Стало быть, мало?

ПАНТЕЛЕЙМОН
РОМАНОВ,
иллюстрации
Н. СОКОЛОВА

— Сейчас, Фома, твоя земля найдется,—как нацепится, так и сядь...

— А вот в Стрешневе машину мужики купили, вот ворочает-то, братец ты мой! — сказал кто-то.

— С машиной по нашим местам нелья. У них, небось, земли много, да вся удобная, а тут...

— Вы меряйте лучше, чем о машине разоговаривать. А то опять кому-нибудь не хуже Фомы Косого аршина не хватит. Тут каккий вершок дорог, а у него вон на десять сажен мельче вышло.

— Верно, у него мера неправильная. Меряй поверх загона лаптами.

— Правильно: чем ходишь, тем и меряй. Что господь дал, от него не отказывайся. Захоли.

Передом пошел высокий мужик в длинной рубахе, испачканный сзади в наизнанку жижу. За ним малый в шапке. И скоро человек двадцать, заложив руки назад и согнувшись, глядели себе под ноги, и шепча что-то губами, гуськом двигались по полю.

— Всё, — сказал один из них, — землю-то, потом и кровью достанется землица-то, потом и кровью достанется землица.

Проходившие по робежу бабы с мешками травы остановились и стали смотреть, прикрыли глаза руками от солнца.

Землемер тоже оторвался от трубки и некоторое время смотрел на странную процессию.

— Что это они там?

— Трудбу вашу проверяют.

— Чем?

— Лаптими, чём же больше.

— Сколько вышли? — спрашивали у каждого кончавшего мерить, когда тот, закрывши глаза, шевеля губами и отшмыгиваясь, чтобы не сбили с места, выложил на дорогу:

— Поптерек загона 76 лаптей.

— А у меня 67 — сказал высокий мужик.

— Чорт! А лапти-то у тебя какие? Ведь ты из избы только выйдешь, а уж лапти на станции.

— А что неудобной-то много? Иными выкинули?

— С десятину будет.

— Вот оно вон. Прямо на глазах тает земля.

Откусив ее теперь братец,

— Да вы меряйте как-нибудь Землемера тоже, чтобы хотя на три пальца натянути. Землемера тоже призвали — чорт он понимает! Вот у Фомы аршина на глазах пропал.—найти не может. Тоже — землемер.

— Свеклу, говорят, сажайте; скотине вместо сена пойдет. Тут самки скр оро жрать нечего будет, а не то, что скотине.

— Кабы луга были, скотина бы сыта была без всякой сквеклы.

— И вот, кабы, кроме кольев, в прошлый раз захватили что-нибудь, так и луг бы был, — говорили мужики.

— Ну, что, не вышло по три палки?

— Никак. Немножко больше, чем по две с половиной. Да и то, что-то у всех разное получается.

— Мерку на нее какуюнибудь одну, правильную надо выдумывать.

— Это правильно, мера чтобы одна была, — сказали все. А то тут и машина и цепь, и лапти. Да лапти-то еще у всех разные.

— Правильно. Надо чай иньбурь один лапоть взять. Вот этот чорт с ее трубкой уедет, тогда сыновья начнем.

— Ох, господи, батюшка, с самого утра не жрамши.

— А ты как же думал, землица-то достается?

— Лопатой, говорит, борщ копай — сказал маленький мужичок — на хорошой земле тут сохой поковыряться — время не выберешь.

ВОЛЯ ВЕСЕННЯЯ

На Днепре, на Волге и на Висле,
У великих и у малых вод.
Их победных верст из года в год
Никому в грядущем не исчислить.

Выли ветры, востока голосила,
Тосковала простор юга.

Все вспомнили вспомнили
Все вспомнили вспомнили.

Я и сям, подросток дерзновенный,
В сапогах больших не по ногам

Выкидал врага у перекесков

И таскал за поясом ногам.

Я ничем не блещущий из сотен,
Был тогда беспомощен и мал,
Но разумной трепетною плотью
Годы буйства кровною помал.

И потом я со слезами захолустье.

И в гулущих дебрях городов,
Дней и песен солнечных устья

Прозревал полю водой.

Потому и тусклые лагчи
И задымленные корпуса,
Кудри дымы в небе расчесав,
Задышали шумно и упруго.

К. ЯКОВЧИК

Помню дни тяжелых испытаний,
Напитые злобой глаза:
Волей весен, волгами восстаний
Города грабастала гроза.

Были дни уныны от криков:
Те, что жались в пасмурных углах,
Как одни, от мала до велика
Покидали мирные дела.

Шли в метели, в зареве пожаров,
В лицене пуль, в безумье батареи,
Голодали, корчились, дрожали,
Засыпали в зимних серебре.

ЕСТЬ ЛИ ЭКСПЛОАТАЦИЯ В СССР?

В. САРАБЬЯНОВ, снимки по материалам МУЗЕЯ ОХРАНЫ ТРУДА НКТ

НАОБЫВА-
ТЕЛЬСКОМ
языке под экс-
сплоатацией ча-
сто понимают и та-
кие отношения, ког-
да извозчик гоняет
лошадь сверх меры
или когда отец лиш-
ний раз сына согнёт
в лавку за папиро-
сами.

Нас же в данном
случае интересует
эксплоатация, как
классовое отноше-
ние, и она налицо
в том случае, если
один класс присваивает себе продукт,
выработанный другим классом.

В капиталистическом обществе это
присвоение и происходит.

Предположим, что рабочий класс полу-
чил в виде заработка платы 1 миллиард
рублей, а произвел на 2 миллиарда
рублей. Куда идет добавочный миллиард? Он присваивается буржуазией.
Рабочий создал прибавочный продукт
на 1 миллиард рублей, его присвоила
буржуазия, и на эти средства она рас-
ширит производство с тем, чтобы в буд-
ущем присвоить еще больше прибавоч-
ного продукта.

Имеется ли эксплоатация на совет-
ских государственных фабриках? Чтобы
дать правильный ответ, надо определить,
что собой представляет наше государство.
Наше государство есть общество с раз-
ными классами, но господствующее положе-
ние является пролетариатом, ведущий за
собой трудовое крестьянство. Это государ-
ство не только не враждебно рабочему
классу, но именно и является "органи-
зацией, соответствующей интересам тру-
дящихся и, следовательно, пролетариата".

Теперь другой вопрос. Создает ли ра-
бочий класс в государственной промы-
шленности прибавочный продукт? Ну,
конечно, создает, иначе промышленность
не могла бы развиваться.

Может быть, каждый отдельный ра-
бочий создает прибавочного продукта
даже большие, чем рабочий на частной
фабрике. В общем и целом, повидимому,
так, потому что в размере зарплаты боль-
шой разницы между государственными и
частными рабочими мы не находим, а наши
фабрики лучше оборудованы, чем арендные
(частные) или кустарные крупные
мастерские, и поэтому государственный
рабочий вырабатывает большие частного
а, значит, государство присваивает боль-
шую долю в продукте труда, нежели
капиталисты.

И все таки на наших фабриках экс-
плоатации нет, так как прибавочный
продукт не превращается в прибавочную
стоимость так, как, иначе говоря, при-
бавочный продукт присваивается вра-
ждебным рабочему классу и его делу
классом (буржуазии). То, что пролета-
риат отдал государству, идет на проле-
тарское же дело. Отдельные рабочие соз-
дают, а пролетариат, организованный во
власть, присваивает, чтобы бороться с
буржуазией, с укладами эксплоатации

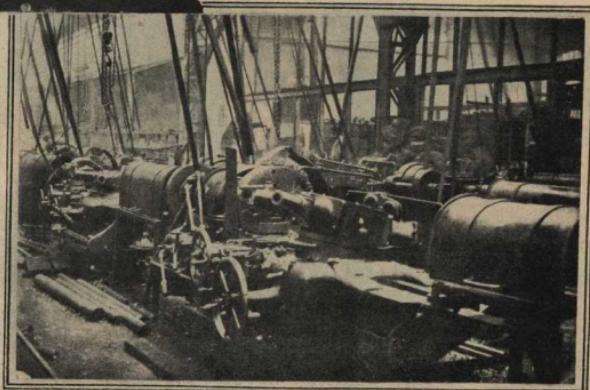
чтобы поднимать культурный уровень труда-
щегося населения, чтобы увеличивать произ-
водство, кооперацию и т. д.

Дело невтом, присваи-
вается ли прибавочный
продукт, а в том, кто
кого присваивает.

не справились бы. Часть промышленной
дукта, т.-е. прибавочный продукт. Совет-
ское государство не эксплуатирует рабо-
чих, оно не присваивает прибавочной
стоимости, а только прибавочный продукт.

Но в нашем обществе имеются и не
социалистические уклады, имеются уклады
и капиталистические. С капиталистами
нам придется иметь дело, и без них
мы, например, с торговлей целиком пока

ВВЕРХУ — ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ СНАБЖЕНИЕ РАБОЧИХ ПРОЗОДЕЙСТВОМ тоже одно из достижений нашей охраны труда. Здесь изображен специальный асbestos шлем, употребляемый рабочими на автомобильной зарядке.

В БОРЬБЕ С УВЕЧЬЯМИ от мастеров токарных стапков. часть стоящих у опытных рабочих, наша техника безопасности привнесла специальные кожухи, совершенно уничтожив опасность

Прибавочный продукт будет и в ком-
мунистическом обществе: ведь должны
будут коммуны двигаться все вперед
и вперед, строить все лучшую и лучшую
жизнь.

Это возможно только в том случае,
если общество будет потреблять меньше,
чем производить, если отдельные работ-

ники будут славить обществу часть про-
мышленной продукции проходит че-
рез руки частных торговцев, которые и
торгуют, конечно, не даром.

Товар, который в розничной продаже
стоит 1 рубль, мы частному купцу про-
даем, предположим, за 80—85 коп.

Что же получается?

А получается то, что прибавочный
продукт не весь присваивается государ-
ством, а в некоторой части попадает в
карман буржуазии, т.-е. враждебного
пролетариата класса, и тем самым пре-
вращается в прибавочную стоимость.

Пока в нашей стране существует ка-
питалистический уклад пока государ-
ство с ним находится в деловой хозяйствен-
ной смычке, пролетариат некоторую
часть прибавочной стоимости создает и
на государственных предприятиях, но,
к счастью, небольшую часть. Это — плата
капиталистам за то полезное дело, ко-
торое они делают, торговли нашими това-
рами. Придет время, когда кооперация
будет спрятываться с торговлей одна. Тогда
госпромышленность разорвет хозяйствен-
ную смычку с капитализмом, и го-
сударственный рабочий прибавочной сто-
имости совершенно не будет вырабаты-
вать.

В СОВЕТСКОЙ РОССИИ ВСЕ РАБОЧИЕ И
СЛУЖАЩИЕ ОБНАРУЖЕНЫ СТРАХОВАНИЕМ.
Эта диаграмма показывает число застрахованных
за три последние года.

СОЦИАЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ РАБОЧИХ. — на переду с 8-часовым днем,— основное завещание Октября. Наши снимки изображают работу Страхкасс.

СЛЕВА—Запись больных в дыхательной Красно-Пролетарской страхкассы (Москва).

В СЕРЕДИНЕ—Выдача пособий безработным—Рязанско-Симбирской страхкассы (Москва).

СПРАВА—Рабочие, посланные страхкассой на курорт. (Геленджик, Чёрное море).

Итак, в госпромышленности эксплуатация имеется в той мере, в какой часть прибавочного продукта присваивается буржуазией. Надо сказать, что эта часть мала и с каждым годом уменьшается.

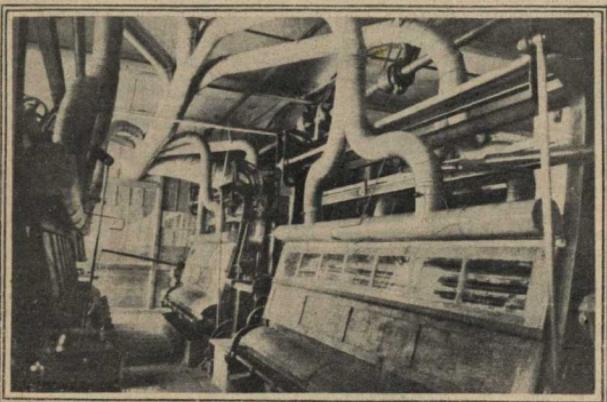
Зато довольно значительна та часть прибавочного продукта, создаваемого на капиталистических предприятиях, которая присваивается нашим государством, но усм буржуазии течет, но в рот си не попадает.

Частный промышленник, уплачиваящий рабочему 1 р., а получающий 2 р., присваивает не все 100 коп. Он должен уплатить за помещение нашему коммунальному органу сколько-то копеек с

Она существует, потому что существуют капиталистические уклады. По мере роста социализма за счет капитализма эксплуатация будет занимать в нашем обществе все меньше места, пока не сйдет на нет. Советское же государство ни в какой мере не эксплуатирует ни рабочих, ни крестьян, так как это государство является не чем иным, как организованным рабочими и крестьянами.

Называют иногда эксплуатацией, когда один рабочий получает больше, а другой меньше. Говорят иногда, что государство эксплуатирует чернорабочих, выдавая им низший оклад и выплачивая

НАША ОХРАНА ТРУДА вводит различные пристройки, защищающие рабочих от профессии. В производственных зданиях, где выделяются много пыли (табачном, химических и др.), охрана труда заставляет устраивать вентиляцию, поглощающую пыль. Вот сеть вытяжных труб при машинах, расчленяющих пыль.

рубля за взятые в нашем банке деньги, скинуть с продажной цены при продаже какому-нибудь нашему торгу. Одним словом, часть прибавочного продукта присваивается не буржуазией, а государством трудящихся. Предположим, из прибавочного продукта в 1 рубль буржуазия присвоила 70 к., а государство 30 к. Получается, что степень эксплуатации, т.-е. норма прибавочной стоимости, равна 100%, а только 70%.

Так решается вопрос о том, существует ли в нашей стране эксплуатация.

большие суммы квалифицированным рабочим и специалистам.

Все это и не пахнет эксплуатацией.

Если у нас имеется одна пароход, а претендентов на нее 10 человек, будем ли мы разрезать сапоги на 10 равных частей. Конечно, нет.

Будем ли мы давать сапоги носку по очереди, ради справедливости. Тоже, пожалуй, не будем. Мы дадим эту пару сапог тому, кто, пользуясь ею, добьется наибольших результатов для всех нас.

У нас нехватает средств всем выдавать заработную плату более или менее высокую. Если делить ее поровну, будет вред для всех нас, а пользы мало.

Квалифицированные рабочие не станут работать производительно, а между тем главная спина в промышленной колеснице, это—они, квалифицированные рабочие. Чернорабочим же не только много перепадет, так как их гораздо больше, чем высокобурученных рабочих.

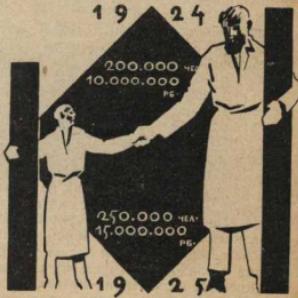
Вместе с ростом хозяйства наши братства будут умножаться, и разница в материальном положении различных слоев социалистического уклада стираться. Но пока хозяйственный рост в большей степени зависит от неравенства. Наши специ и квалифицированные рабочие далеко еще не обладают коммунистической психикой, они еще не умеют работать только ради социализма, их еще нужно поощрять сдельчиной, более высокой заработной платой и т. д.

Придут поколения, прежде чем человечество перевоплотится себя в коммунистическом духе, а пока такой выхол в деле повышения хозяйства, как материальное поощрение наиболее важных групп работников, неминуем.

Но каждому ясно, что советское государство, поощряя одних, отказывает другим только потому, что не всех нехватает, и только для того, чтобы поднять хозяйство и получить средства для повышения общего уровня жизни.

Какая же это эксплуатация?

САНАТОРНО-КУРОРТНАЯ РАБОТА СТРАХКАСС СССР: В 1925 году через санатории, курорты и дома отдыха прошли 250,000 человек, на которых затрачено 15,000,000 руб.

В КОММУНАХ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

З. КАРПЕНКО, снимок З. ЧЕБОТАЕВА

не пьют. Один выпил, когда ездил по шефским делам в деревню — соблазнил товариши, — и то был ему хороший на-
гоняй.

Парень с пестрой круглой физиономией, присяжный оратор коммуны, честно признался, что ему тоже был выговор за обильное упоминание «матери», и с тех пор он воздерживается, — все же как-то стыдно.

— Врет, врет, — закричал другой в си-
ней майке без рукавов, открываясь прекрасные мускулы рук, — все равно ругается.

Ячейка и коммуна стоят на точке зре-
ния недопущения беспартийных в ком-
муну.

Мотивировка — могут раздробить ком-
муну. Я утверждал, что и комсомольцы —
отнюдь не агенты, но сплевнули из того же теста, что и беспартийные — это, во-пер-
вых, а, во-вторых, — беспартийного отвле-
кает от комсомола нездоровая обстановка
жизни, и гораздо действительнее всякой
агитации будет привлечь его к ячейке
через разумный быт. В ответ секретарь
ячейки, пришедший откуда-то с боль-
шущей связкой книг, рассказал мне мрач-
ную повесть о гибели коммун, где виной,
по его мнению, были исключительно беспартийные. Это было в мужской ком-
муне, насколько помню, при заводе «Гужон».

Жили там сперва одни комсомольцы, и все было хорошо и гладко. Но вот случилось им принять 2-х беспартийных. Последние смотрят на коммуну не как на «общественную работу», а как на место, где можно поспать, поесть и больше ничего. По вечерам, когда комсомольцы работали в клубе или коллективно чи-
тали газеты у себя дома, они уходили в ближнее общежитие и дечатам.

— Каждый вечер? — спросила я.

Каждый вечер, — подтвердил рас-
сказчик. — Ну, ведь беспартийные. Комсо-
мольцам, конечно, стало видно. Гляди-
шь один, другой, а там и все стали пропадать у дечатам.

Так и развалилась коммуна.

В общем, по словам коммунаров, живут они дружно; склок никаких не бывает. Позиций сдавать отнюдь не со-
бираются, но вполне удовлетворены такой постановкой коммуны, какая существует теперь.

ОСЁРЫХ БУДНЯХ, СИНЕМ ПАЛЬТО АНАР-
ХИЧЕСКОГО ПРОИСХОДЛЕНИЯ И О СВИХ-
НУВШЕЙСЯ РОЗКЕ

КОММУНА «Ленинский закал» тоже переживала свой героический период, когда матери всей округи, укоряя своих дочерей в лени и неаккуратности, ставили им в пример все те же коммунарки. Но когда я пришла в коммуну, первобытная белизна подушек успела уже потускнеть под разлагаемым дыханием жизненных будней, а портреты вождей грустно накренились на-бок и с характерным профилем Троцкого чуть выглядывали из-за полотенца, повешенного на гвоздик, поддерживающий пор-
трет.

Коммуна «Ленинский закал» поме-
щается в небольшом деревянном доме, и проникать в неё надо через темные

сени и полутемную кухню. Первая ком-
ната — читальня: шкаф, стол с газетами, ту же висят бесконечное количество шуб и разбросаны головные уборы. Во второй комнате 8 кроватей всех видов и возрастов — от новенских деревянных до обу碌ленных и подвешанных веревочкой железных коеок. При моем при-
ходе между кроватями на древнем стуле сидел тощий человек в зелено-форменке, среди целой кучи девчат.

Человек оказался прикрепленным к коммуне от райкома и в данный момент убеждал не ездить на Рождество в Ленинград, не трясти денег попусту, — устраивая радио, приближающе коммунизм.

Девчата широко вздыхали и пере-
глядывались, — им хотелось проехаться.

Но когда прикрепленный намекнул, что в связи с поездкой они обязательно пропустят день другой и с неделю будут работать вляю, так что пострадает производительность труда, — гражданские чувства восторжествовали: поездку ре-
шили отменить.

Парень поднялся. Его гурьбой пошли провожать, и со мной осталась одна девочка в черном платье с короткими рукавами.

— Ну, я расскажу тебе, что надо, если сумею.

Я узнала от нее много интересного не только про эту коммуну, но и про старую, организованную в конце 1923 г.

Несколько человек, не имеющих квар-
тиры, решили поселиться вместе и жить коммуной.

Устава не было, правильных дежурств не было; все деньги отдавались старосте, который тратил их по своему усмотрению. Дело дошло до того, что Левка (староста) влюбился в одну коммунарку и стал изводить общественные деньги ей на шоколад. А тут еще другая утила часть заработка и анархическим образом купила себе синее суконное пальто. Ком-
мuna лезла по швам. Ячейка созвала совместно с коммуной собрание и решила поставить дело на более крепкий лад. В октябре прошлого года старую коммуну распустили и создали новую, куда из прежней допустили лишь одну де-
вушку, ту, что разговаривала со мной.

Новая коммуна открылась в составе 8 человек женского пола. За год состав коммуны изменился: та ушли, 4 при-
бавились, в том числе один парень.

Интересны причины ухода: одна вышла замуж, другая ушла к вернувшемуся откуда-то мужу. Таким образом, семей-
ного вопроса коммуна не разрешает, но просто исключает семейную жизнь. Ушед-
шая коммуна дала кое-какое «приданое». Девушке, вышедшей замуж за директора, дали немного, — сумеет себе сделать сама; а ушедшей к мужу дали и простины и одеяло, потому что у них не было Т. тьо исклучили из коммуны. Эта девушка сразу, как поступила на фабрику, пря-
вила большую активность, удалилась в общественную работу и ею не могли нахваляться. Ой, Розка, да что за Розка!

В скором времени поселилась она в коммуне и тут обнаружилась, первые трещи.

ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ РЕБЯТА
(Коммуна рабочей молодежи при заводе Ильича)

ОТ МОЕГО пребывания в коммуне при заводе Ильича у меня осталось впечатление, что коммуна еще переживает свой «героический» период.

Коммуна — стопроцентная: весь заработок — получает ли парень 45 или 80 рублей — отдается в общую кассу. Мой вопрос: «Не думают ли ребята, что такой порядок может привести к недовольству и даже к выходу из коммуны лучше зарабатывающих», — вызвал горячее отрицание.

Они не подходят к коммуне только со стороны материальной выгоды. Еще при основании коммуны, когда в ячейке шли дебаты, организовать ли для нуждающихся в жилище комсомольцев коммуну или просто общежитие, установились на первом, ибо коммуна не только разрешит жилищный вопрос, но и будет «вроде общественной работы». Бурным недоводением встречены были и мои ехидные следовательские вопросы насчет употребления в обиходе коммуны 40 и слишком кренких выражений. Ребята пылько уверяли, что теперь они совершенно

ФОТО-ЭКРАН

(ХРОНИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ)

Снимки РУСС ФОТО

ВОЙН В МАРОККО — на этом снимке изображены французские войска перед атакой крепости рифов.

СПЛЕВА—ГЕНЕРАЛ ФЫН-Ю-СЯН, который дал командование китайской армии, чтобы отомстить за убийство СПРАВА—ЯВАЙСКИЙ КОММУНИСТ Тон Мелакка и его товарищи, высланные голландскими властями за победы Индонезии за коммунистическую пропаганду.

ВНИЗУ—НАВОДНЕНИЕ В ПАРИЖЕ. Наша фотография изображает уличную сцену в Париже во время наводнения его наводнения.

СЛЕВА: В БОРЬБЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ДРУЗЫ—маорское племя, населяющее Сирию — оказалось героями против французов. На сн: сражение солдатиков, защищающих деревню на Дамаск.

В СЕРЕДНЕ: НА МОГИЛЫ КРАСНЫХ БОРЦОВ. В память подвигов убийства Карла Либкнехта и Роша Леклерку в Германский Союз Красных Фронтиков устроил очередную демонстрацию к их могилам.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В БОРЬБЕ ПРОТИВ РИФОВ: французское тяжелое орудие на железнодорожной установке, ведущее артиллерийскую подготовку нового наступления в Марокко.

ГЛУПОСТЬ ИЛИ СУМАСШ СТВИЕ? Во время наводнения испанские солдаты и офицеры, включая герцога Альвареса де Толедо и принца Альфонса, устроили разборки. На нашем снимке изображены: казак из цирковой группы из армии Шку, ее староста

ли румын в течение и польский пограничник в рижской беседе перед царственным построением

В ВЕРХУ: ПРЕМЬЕР-МИНИСТР ЦАНКОВ, падач болгарских крестиль — неизвестно, приурочен выпуск в открытии.

СПРАВА ВВЕРХУ: М-1, знаменитый подводный монитор сицилийского флота, вооруженный 12-дюймовыми орудиями, которые упоминались в последние месяцы вместе со всеми командами из буров.

СПРАВА: АДМИРАЛ ХОРТИ, креативный директор Банка, уличенный в выпуске фальшивых денег. Служащий Глазковского банка Сандерс обнаружил фальшивые бумажки на 25.000.000 франков.

O ЧЕМ

Профессор К. Л. Баль

Дело в том, что девушка была из другой среды, чуть ли не дочь инспектора. Была она не глупая и развитая, но чрезвычайно задирала нос, а потом не хотела порывать связь с прежней средой: ходила к своим, поддерживала старые знакомства, и пришлось ее исключить.

К нам подошли еще несколько человек. Я спросила, как «у» у них отношения с их парнем.

Девчата засмеялись: — Пришел он, больше ничего.

«А что, разве ругаешься?» Нет, нет, сказала девушка в гимнастёрке, — он нам очень полезен, он парень развитый и всегда нам помогает, когда, например, газеты читать или обяснять что. А это они все потому: было у нас в спальне тепло и решили одну книжку поставить в читальную. Ну, когда же гуда посыпались? Конечно, его. А он прикинулся в большой комнате и уходить не хочет. Поэтому и спор был.

Про коммуну «Ленинский закал» можно сказать, что за год существования о основных своих принципах она не отказалась. Как единственный пример —ступления можно привести оказавшийся нежизнеспособным и вычеркнутым ныне параграф устава, где говорится об обязательном ношении низких каблуков. Но основное сохранилось. Как и год тому назад, весь заработок членов отдается в коммуну. Как и год тому назад, белье и платье общее. Скор изза костюмов не происходит — голова занята вещами поважнее тряпок.

О МНОГОМ, НО ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ О КОМФОРТЕ

(Коммуна при электротелеграфе, Богород. у.)

ПРИЕЗЖАЮ на электропередачу вечером. Разбросанные дома рабочего поселка, сосны, снег, много фонарей. Во всех направлениях стоят лыжники. Справа —, как мне пройти к дому коммуны.

— Пойдите к милиции — вон, где два фонаря, а там всякий скажет.

Подхожу к остановившимся в сумерках — в освещенном окне ясно видны толевые занавески и цветы. Мое убеждение, что в коммуне занавесок быть не может, было так сильно, что я в этот дом и не заходила, но направилась к следующему, откуда меня, как и следовало ожидать, отправили назад.

Делать ничего, иду обратно, отыскиваю двери. Внутри вид совсем нежилой — висят доски, вешерки с краской, пол забрызган известкой. Кричу, — никто не отзыается. Иду по коридору, отворю наудачу дверь и попадаю в ту самую комнату, где на окне висит загадочная занавеска. В комнате обита твое девчак, оказавшихся коммунарками, хотя вид комнаты был не совсем обычный, да и сама коммуна, как я потом узнала, не совсем обычного типа. О цветах и занавесках я уже упоминала. Кроме того, в маленькой комнате стоят две кровати, из которых одна особенно взбита, с нацидкой на подушке, с кружевом простины, выглядывающим из-под одеяла — совсем, как в приличных домах. Есть комод с зеркалом, конфетными коробками, с фарфоровым голубком и прекрасными девушкими экзотической наружности, влепленными в рамки из ракушек. На стенах — фотографии и портреты вождей. Все вожди не поместились,

и часть мирно обретается под кроватью. Вместо коврика на стене около каждой кровати растигнут шелковый платок. Здесь все комнаты небольшие — на 2—3 человека. У парней, конечно, проще — нет такого обилия карточек и занавесочек, как у девчат: впрочем последние мне говорили, что ребятам так понравились занавески, что они хотят и себе покупать такие. Некоторое стремление к комфорту есть тут: девчак с платком закрывает простины, около кроватей, чтобы не пачкалось одеяло о белую стенку, прибивается полоса красной материи или просто цветной бумаги.

Стремления коммунаров направлены более на то, чтобы создать культурную, организованную, порядочную жизнь, чем на поддержание коммунистической чистоты, правов, о чем сказано в уставе.

В уставе есть параграфы о выметении — 2 раза в день комната, о мытье рук перед обедом, о соблюдении чистоты после 10-ти вечера.

Коммуна не 100%-процентная, но каждый член вносит одинаковый взнос, именно — 15 руб., а остальными деньгами может распоряжаться по усмотрению. Это еще плохо, но для больших коммун, как эта (26 чел.), представляет даже несомненные удобства:

1) Меньше соблазна выйти из нее потому, кто зарабатывает лучше большинства членов.

2) Исключается возможность входящий в коммуну с нечистыми целями тому, кто зарабатывает плохо и хочет устроиться за чужой счет.

Пока в доме коммуны общими являются только обед и ужин и, если бы не они, вместо коммуны было бы самое обыкновенное общежитие. Заходят коммунары отдельно, иные даже собираются покупать присумки, белье и им стирают отдельно; и даже газеты, временно до открытия красного уголка, выписываются индивидуально.

Все это — завтраки, стирка, а также приобретение белья, подписку на газеты можно было бы без всякого вреда обойтись.

Мы долго говорили с коммунарами как о коммунах вообще, так и о данной коммуне в частности.

Затронули вопрос о взаимоотношении семьи и коммуны, т.е. о роли коммуны, как средства освобождения от семьи. Пока, по крайней мере, эту роль преувеличивать не приходится. С одной стороны, из семьи уходит в коммуну редко — подавляющее большинство коммунаров, как в этой, так и в других коммунах — одиночки; с другой стороны — поженившимся тоже приходится уходить из коммуны. Последнее, насколько я уяснила из разговоров, не приводит ребят в особое смущение.

Постепенно все это расширяется, входит в привычку, и семейный вопрос найдет безболезненное разрешение.

Утром я уже возвращалась в Москву.

* * *

ПРИ ВСЕМ могуществе человеческого разума существуют до сих пор неразрешенные им загадки — и вот одна таковая. Почему заметки о коммунах пишут люди не только к коммунам непричастные, но и упорно избегающие в них заглядывать? Изучайте жизнь коммун!

СВЕТЛОЙ лентой вьется среди звезд великая «река» звезд — «Млечный Путь»; глазам нашим он кажется просто блескательной полосой. Но стоит подняться в хорошую погоду, и сразу же следом за звездами вспыхивает склонный к разлуке свет: это пыль, что вспыхивает из невообразимо огромного числа очень близко друг к другу расположенных звездочек.

Триста шестидесят лет тому назад Галилей в Италии и Симон Майер в Германии направили на него свои, весьма несовершенные, телескопы*) и в них увидели то, что не смыслись гаванскими и египетскими мудрецами и пытывшимися древней Греции. Вселенная впервые приоткрыла свои тайны, и человеческие глаза в них заглянули.

Шестьдесят лет тому назад, телескоп вырос, превратился в большие трубы современных обсерваторий, но проникнуть в глубочайшие недра вселенной только с его помощью ученые оказались все-таки не в состоянии. Дошло до того что французский философ Огюст Конь в сороковых годах прошлого столетия в своем большом трактате по философии писал: «наши земные геометрические познания, ограниченные миром, часть которого мы видим, т.е. малочисленной группой тел, находящихся вместе с землей около нашего солнца».

Под «малочисленной» группой тел знаменитый в свое время французский философ, разумеется, очевидно, нашу солнечную систему, т.е. большие и малые планеты, обращавшиеся вместе с землем около солнца. Конь, понимаю, представлял себе, как астроном примутся за изучение земной группы, и вспомнил, что первая наука наследственна под белым флагом.

В 1860 году дважды выдающимися немецкими учеными Кирхгофом и Бунзеном, был найден ключ к познанию тайн звездного мира.

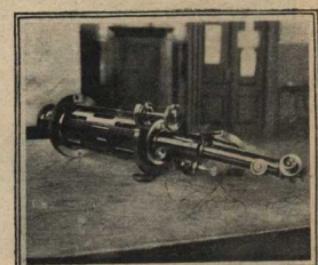
Для этого нужно было изучить спектр звезд. Что же такое спектр?

Спектр — это семицветная радужная полоска. Она состоит из тех же семи цветов, что и радуга, созданная призменным зонтиком, падающим на синтетический и не пересеченный темными линиями. Но, если лучи света от какого-нибудь раскаленного твердого тела проходят через какой-нибудь газ, то спектр сразу произойдет нечто удивительное: появятся одна или несколько темных линий, передергающих цветную спектральную полосу поверх. Многие линии опыта выяснили, что по этим темным

линиям можно определить спектр звезды.

Если мы будем через стеклянную призму рассматривать раскаленный газ в трубе, то, наоборот, газ будет поглощать те же самые спектральные линии и не пересеченный темными линиями. Но, если лучи света от какого-нибудь газа проходят через раскаленное твердое тело прежде чем попасть в нашу призму, пройдут сначала через какой-нибудь газ, то спектр сразу произойдет нечто удивительное: появятся одна или несколько темных линий, передергающих цветную спектральную полосу поверх.

Многие опыты выяснили, что по этим темным линиям можно определить спектр звезды.

ОКУЛЯРНЫЙ СПЕКТРОСКОП, прикрепляемый к окуляру телескопа. С его помощью астроном в состоянии определять спектр нужной ему звезды.

*) Подзорные трубы с увеличительными стеклами большой силы. Отдаленные предметы видны в них так, как будто они близко.

ГОВОРЯТ ЗВЕЗДЫ

снимки Н. ГУЖИНСКОГО

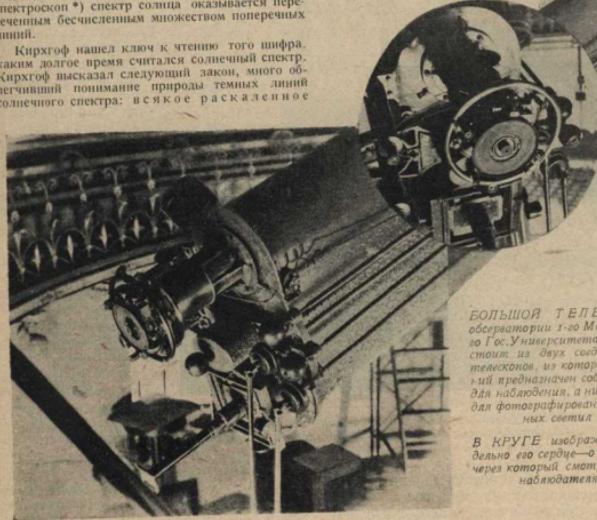
линиям вполне можно узнать тот газ, через который проходил свет, прежде чем попасть в призму.

Каждый газ делает свои линии: один в одном, другой в другом месте спектра. Знание по одному расположению таких линий в спектре солнца можно уже сразу узнат, как газы окружут солнце, поскольку нам потоки тепла и света. И, действительно, в хороший солнечный спектроскоп* с помощью темных линий солнечного спектра: всяко раскаленное

Кирхгоф нашел ключ к чтению того шифра, который долгое время считался солнечным спектром. Кирхгоф высказал следующий закон, много облегчивший понимание природы темных линий солнечного спектра: всякое раскаленное

затягивают разделять звезды на четыре класса: белых, желтых, оранжево-красноватых и красных звезд.

К классу белых звезд можно причислить звезды гелиевы и водородные*): в атмосферах таких звезд преобладают легчайшие газы — гелий и водо-

БОЛЬШОЙ ТЕЛЕСКОП
обсерватории 1-го Московского
Гос. Университета. Он со-
стоит из двух собирательных
телескопов, из которых верх-
ний предназначен собственно
для наблюдения, а нижний —
для фотографирования небес-
ных светил.

В КРУГЕ изображено от-
дельно его сердце — окуляр,
через который смотрят глаз
наблюдателя.

тело (напр., пар или газ) способно поглощать, т.е. «выхватывать» из спектра ге-
лучи, которые оно само сама испускает. Поясним этот закон Кирхгофа. Газы (раскаленные — и вонные; «зловонные» до свечения) дают темные линии спектра, состоящие только из отдельных световых линий. Например, газ «один**» дает всегда несколько светлых линий; из этих линий одна желтая. Оказалось, что эта желтая линия совершенно совпадает с темой темной линией солнечного спектра, которая всегда видна в одном и том же месте желтой части солнечного спектра. По простому сопа-
дению темных и светлых линий мы можем, значит, судить о составе вдалеке скрывшейся атмосферы. Мы находим в ней гелий, если солнце не нас и на 140 миллионной веер. Это ли не чудо? Это ли не поразительность! Осторожному философу Конти и синьору, что простоял стеклянная призма, простой мадленский прибрюзнил, называемый спектроскопом, связует нас со всеми необходимыми звездами и вселенными.

В сильных спектроскопах можно исследовать спектр звезд так же хорошо, как и спектр солнца. Более того, особыми приборами, спектрофотографами, можно очень хорошо снимать, т.е. фотографировать спектры даже слабых звезд. Изучение таких фотографий спектров звезд привело к весьма важному выводу о единстве в веществе во всей звездной вселенной. И в атмосферах солнца, и в атмосферах звезд имеются почти один и те же раскаленные пары и газы. Мы говорим «почти один и те же», потому, что спектры звезд представляют некоторые характерные различия, и эти различия по-

раз и в их спектрах замечаются особенно резко выступающие темные линии «поглощения» гелия и водорода. В других спектрах белых звезд выступают уже линии поглощения паров металлов. В спектрах желтых звезд эти линии выступают еще более резко. В спектрах красных звезд мы усматриваем целые полосы, т.е. широкие линии «поглощения». Спектры белых, желтых и красных звезд так характеристичны, что при некотором наывке их можно вычленить безошибочно различать.

Значит, звезды различны можно очевидно, на-
блаждая звезды различного «внешнего»
виде. Так стан «жизнью» звезды ха-
рактеризуется вполне определенным спектром. И давно уже высказано было предположение, что белые звезды — самые молодые и горячие, затем идут более «пожилые» желтые звезды,
и, наконец, звезды красные**).

Наш лучшарий солнце — желтая звезда, т.е. она уже «не вспыхнула». Но окончит она свою же жизнь еще очень скоро: через миллионы и миллионы лет. Славоательно, нечестиво сказать, что оно «померкнет» только через несколько миллионов лет, как думал немецкий гениальный ученик Гельмгольц.

Все сказанное надо хорошоеньким продумать, особенно важный вывод о единстве вещества во вселенной. Великий ученый и философ древ-

* Водород — еще более легкий газ, чем гелий. Он горит и, сгорая, дает волгу.

**) Читатели поймут хорошо скажанное если вспомнят о таком общезвестном факте: при раскалывании железной полосы она начальствует «локрасна», а затем «дебела»; охлаждаясь, эта полоса опять делается красной.

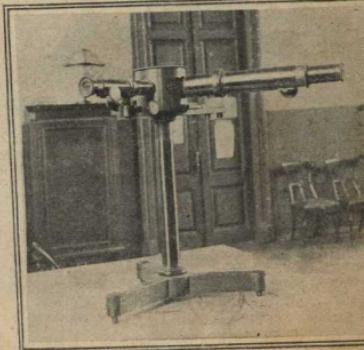
*) Прибор, в котором есть и призма (разлагающая свет и дающая спектр), и увеличительное стекло для рассматривания полученного спектра.

**) Очень легкий и негорючий газ; употребляется для воздушных шаров (диржаблей). На земле он редок, но на солнце его давно нашли при помощи спектроскопа.

ности Аристотель выдвинул более чем 2000 лет назад мысль о «совершенстве небесных сфер». Он учил, что солнце, луна и звезды совершают особого совершенного тонкого вещества, какое нет на земле. И бессмертный авторитет Аристотеля, эта мысль, держалась до времени Галилея, который в 1610 году. Первые наблюдения Галилея в его плохонький, самодельный телескоп сразу показали всю нелепость мысли Аристотеля. В самом деле, на дуне Галилей различил довольно высокие горы, а на солнце темные пятна, и это открытие совсем «огорчило» тогдашних ученых — последователей Аристотеля.

Спектральный анализ дает больше, чем телескопические наблюдения. Если спектры звезды — такие же солнца, то это значит, что звезды — звезды солнца. И это значит, что мы по темной линии поглощения в спектре солнца узнаем о присутствии в атмосфере гелия, то не надо забывать, что в спектре спектров других звезд тоже приводят в воду о присутствии в их атмосферах гелия и других паров и газов, имеющихся на солнце и на земле.

Мы делаем отсюда заключение о присутствии на том, что мысли Аристотеля неверны, то что есть на земле есть и «на небе». Т.е. во всей звездной вселенной. Все звезды, небесные тела построены из одинакового вещества. Так возносит спектральный анализ в глубочайшие безвселенности.

СПЕКТРОСКОП, который дает возможность узнати-
вать тела по свету, им испускаемому.

ПО СТРАНЕ ЛЬВА И СОЛНЦА

(ТЕГЕРАНСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ)

Трапс, снимки автора

Мы ПРОХОДИМ по Лялешару, главной улице Тегерана (столицы Персии) и рассматриваем магазины и ремесленные мастерские.

Для нас все ново, интересно.

Останавливаемся около шелкоткацкой фабрики. Единственное окно завешено циновкой, и свет проникает только через широкую нижнюю дверь.

Мы останавливаемся в дверях, смотрим, как быстро, методично идет работа. 25 чел. рабочих привычными движениями поправляют нитки, ловко вращают прибор. Вид у рабочих усталый, изможденный, большую частью это подростки в возрасте до 16 лет.

Тепно на наших фигура падает на один из стакнов и рабочего, и он поднимает голову, смотрит на нас спокойным, тупым взглядом, мы стоим, чтобы не загораживать свет.

Один из рабочих места и, расправившись с углом около двери, наливает в широкую круглую чашку воды, кладет в нее кусок льда и, помешав паль-

ВВЕРХУ—КУСТАРНАЯ ТАБАЧНАЯ ФАБРИКА: Пара десятков подростков в страшной пыли и поту, полном тела ногами, небесными, обнажают и запаковывают в пачки папиросы, которые тут же и расходятся.

ВНИЗУ—ПЕРС. ТОКАРЬ—техническая физика восточного ремесленника. Очень интересно применение устройства токарного станка: он приводится в движение правою рукой, а суппортом дуют собственные ноги.

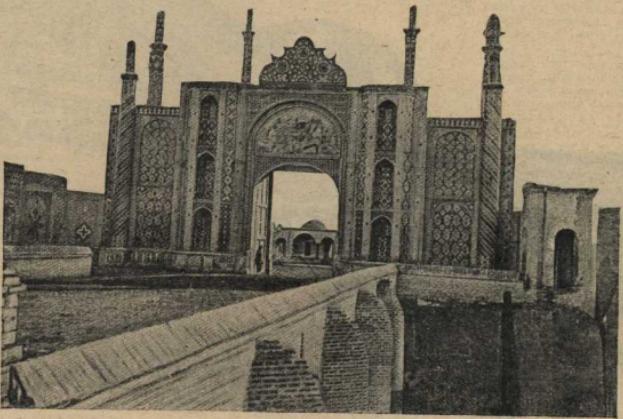
чем, медленно пьет. На лбу его выпадают мелкие капли пота, он вытирает их рукавом и продолжительно смотрит на нас. Нам хорошо видно его лицо.

Население Персии исчисляется приблизительно в 12 мил. человек. Основное занятие населения—земледелие.

Персия управляема монархом—«шахом», власть которого ограничена парламентом, «междиком», который состоит из представителей помещиков и торговой буржуазии.

В Персии имеются нефтяные источники, которые возбуждают аппетиты английского империализма, стремящегося подчинить Персию своему господству.

Последние годы англичанелись в Персии развитием национального движения и угрозом симпатий к СССР под флагом борьбы с английским империализмом.

ГОРОДСКИЕ ВОРОТА В ТЕГЕРАНЕ: Город окружжен рвом и старинными стенами. В них имеются 12 ворот (соответственно 12 дорогам). На снимке изображены ворота на дороге, ведущей из Казвина.

Оно желтого, болезненного цвета с глубокими морщинами на лбу, глаза смотрят устало, безразлично. Заметно, что ему хочется что-то сказать и, действительно он обращается к нам с улыбкой и говорит полуопросительно, «жарко». Мы оба разом отвечаем: «Да, очень жарко».

Он, повидимому хотел еще что-то сказать, но, покосившись влево угол комнаты, где на стуле сидит толстый перс, повидимому, управляющий или надзорщик, рабочий повернулся и направился к своему месту.

ная вода. Это водопад «Аб-Шор» (соленая вода). Здесь очень прохладно, так как в воздухеносится миллиард мельчайших капель свежей холодной воды.

Взглянув направо, я увидел под тенью маленьких деревьев группу молодых персов, которых закусывали, весело разговаривали между собой. Одни из них более пристально, чем другие посмотрел на меня, потом с веселой улыбкой встал и подошел ко мне. «Селям алайкем» (здравствуй), сказал он, продолжая весело улыбаться. Я узнал его это был мой знакомый. Я стал расспрашивать его о старой работе, о семье.

Многое узнал я из его слов. В них была реальная жизнь, тяжелая жизнь и угнетенный восточный народ.

Я знал, что эксплуатация труда подростков в Персии развита очень сильно, и объясняется это тем, что детский труд можно дешевле оплачивать. Тем еще, что административных ограничений в этой области почти совершенно нет и, наконец, в некоторых отраслях производства применение детского труда гораздо более выгодно еще потому, что дает большую производительность, чем труд взрослых. Это относительно к тем производствам, где требуется быстрота и легкость движений (ковровое производство и др.). Процент подростков в промышленных и ремесленных предприятиях вообще довольно велик,

СОЛНЦЕ палит своими отвесными лучами, но уже жарко, так как здесь слишком чист и свежий воздух.

Мы медленно взбираемся на ишаках в горы, которые находятся недалеко от Тегерана. Дороги почти совсем нет, едва обозначающаяся тропинка, вся усыпанная камнями, по которой осторожно шагают, боясь оступиться наши утомленные животные, скоро становятся настолько круты, что ишаки уже не могут дальше идти, и нам приходится, расположив их около горной «чайхане» (чайная), продолжать дорогу пешком. После сорока минутного утомительного подъема пешком мы попадаем в маленькое ущелье, на дно которого с 10—12 саженой высоты падает живописными каскадами прозрачная вода. Это водопад «Аб-Шор» (соленая вода). Здесь очень прохладно, так как в воздухеносится миллиард мельчайших капель свежей холодной воды.

Взглянув направо, я увидел под тенью маленьких деревьев группу молодых персов, которых закусывали, весело разговаривали между собой. Одни из них более пристально, чем другие посмотрел на меня, потом с веселой улыбкой встал и подошел ко мне. «Селям алайкем» (здравствуй), сказал он, продолжая весело улыбаться. Я узнал его это был мой знакомый. Я стал расспрашивать его о старой работе, о семье.

Многое узнал я из его слов. В них была реальная жизнь, тяжелая жизнь и угнетенный восточный народ.

СЛЕВА—ФРУКТОВАЯ ЛАВКА: обилие фруктов очень типично для персидских базаров.

В ковровом производстве встречаются настолько маленькие дети (6—7 лет), что невольно задаешь вопрос, работают они или играют.

Промышленность в Персии еще только зарождается, ей приходится с большим трудом конкурировать с западно-европейской промышленностью, которая всеми средствами стремится продвигать свои товары на восточные рынки. Предприниматели, открывающие маленькие фабрики и заводы, а также и ремесленные мастерские, бедны капиталами и конкурировать с заграниценными товарами они могут только, снижая заработную плату до возможно минимальных размеров. Зарплата подростка обыкновенно гораздо выше, чем у взрослого. Приблизительно зарплата подростка в среднем, вероятно, не выше одного крана в день (20 коп.), а иногда и значительно ниже этого. Поэтому подросткам приходится довольствоваться весьма скучной пищей, состоящей большей частью из черного пресного хлеба, грязного сыра и не всегда нескольких горсточек разваренного риса без масла, называемого «человек».

Всегда в полугодном состоянии, при 12 часовом рабочем дне трудовой молодежи приходится ютиться в грязных темных сараях без всякой обстановки, на полу. Классовое сознание и организованность только прививаются в среде рабочих Персии.

III

В О ВРЕМЯ страшной жары мы попутно зашли под навес «чайхане», чтобы выпить шербет со льдом (шербет—сладкий фруктовый напиток). Пока старик хозяин занимался приготовлением напитка, мы присели на ма сьюную скамеечку около дверей. Недалеко от дверей, в углу сарая, лежала человеческая фигура, укрытая цветными грязными тряпками. Это был больной, он ворочался, тяжело стонал, бреду бормотал несвязные слова. Чайханик нам объяснил, что это его племянник, который работает в табачной мастерской, у которого нет никого родных, кроме него.

ДЕРВИШ в праздничном костюме. Небольшая сексира в левой руке—символ неустанных борьбы за праведный Ислам.

Больной повернулся лицом к свету, открыл мутные красные глаза и прерывающимся голосом попросил: А-а-б (абвода). Хозяин не обратил на это никакого внимания, он был занят и даже, когда больной вторично попросил, он сделал вид, что ничего не слышит. Тогда Таня (моя спутница) быстро встала, налила из стоявшего кувшина в чашку воды и поднесла больному. Я не успел даже предупредить ее, что по магометанским законам это не совсем удобно. Несчастный начал жадно пить, но, сделав несколько глотков, он вдруг выпустил из рук чашку, широко открыл глаза и заговорил.

«Русская женщина, откуда ты появились. Я вижу тебя во сне. Ох, как мне тяжело, нам всем тяжело». Больной сел на свою постель, голос его зазвучал более громко и внятно. «Вы счастливы русские, вы добились своих прав, вы сделали революцию. Вам хорошо жить. Россия счастливая страна, а Персия несчастна, о как несчастна Персия, как несчастны все

ВНИЗУ—ТУЗЕМНАЯ ТКАЦКАЯ МАНИФАК-
ТУРА с нескользящими фасадами рабочих. Ус овня труда на подобных мануфактурах очень ередны. Здесь представлен один из самых чистых уголовов здания

В ОВАЛЕ — ПАМЯТНИК НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЕЛИННЕНИЯ ПЕРСИИ: одна из триумфальных арок, воздвигнутых в честь победы Риза-Хана над мятежными племенами юга, поддержаны всеми англичанами. (Конец декабря 1924 года)

СТРОИТЕЛИ НЕБОСКРЕБОВ

А. КАШИНЦЕВ, снимки «WIDE WORLD PHOTO»

никогда ждать, пока лифт будет поднят от одного этажа к другому, для них имеются так называемые «экспресс-лифты», которые при нажатии кнопки сразу извлекают из машины

пробиваая скалистый грунт. Это, действительно, работает. А раз мы вышли на улицу, то начинается для нас сумная игра, и нам безразлично, как бы ни было высокое здание.

— Вирочим же, кто и как строит эти небоскребы, каковы условия их работы и насколько им удается защищать свои интересы от эксплуататоров-капиталистов.

Посмотрим же, кто и как строит эти небоскребы, каковы условия их работы и насколько им удается защищать свои интересы от эксплуататоров-капиталистов.

Когда подходишь к строящемуся небоскребу, в ушах раздается такой гром и оглушающий рев, как будто целый флот предионотов и крейсеров бомбардирует город. Но это производимо шефом на телеграфе высоты двадцатого этажа легкой постройке из стальных стоек, балок и перекладин, пробегают быстроногие птицы и на страшной высоте, пренебрегая опасностью, свешиваются со стальных рам. Они направляют на установленные на своих местах огромные стальные балки, подвешенные подземными кранами, вгоняют раскаленные заклепки, которые летят к ним навстречу, выкрикивая кратко указания машинистам паровых кранов.

Огромный остов нового «небоскреба» вырастает, словно гриб после дождя, на самой оживленной и заселенной сплошной зарядкой улицы.

— Ребята там наверху работают? — спросил я, изумленно сознавая, довольно страшное.

Мы разговаривали со старшим надсмотрщиком за работами. Это был седой, огромного роста, бодрый старик лет семидесяти с лишним, Звали его Аллом Дизл.

— Ребята там наверху работают? — спросил он, указывая жестом на карабкавшуюся ввысь фигуру рабочих. Вам, конечно, страшно смотреть, как они бегают, словно обезьяны, — а для нас работа на высоте — просто такая удовольствия! Наша самая тяжелая работа происходит там, где нас никто не видит — под землей, когда приходится строить фундамент, в воде и грязи,

работа. А раз мы вышли на улицу, то начинается для нас сумная игра, и нам безразлично, как бы ни было высокое здание.

— Вирочим же, кто и как строит эти небоскребы, каковы условия их работы и насколько им удается защищать свои интересы от эксплуататоров-капиталистов.

Когда подходишь к строящемуся небоскребу, в ушах раздается такой гром и оглушающий рев, как будто целый флот предионотов и крейсеров бомбардирует город. Но это производимо шефом на телеграфе высоты двадцатого этажа легкой постройке из стальных стоек, балок и перекладин, пробегают быстроногие птицы и на страшной высоте, пренебрегая опасностью, свешиваются со стальных рам. Они направляют на установленные на своих местах огромные стальные балки, подвешенные подземными кранами, вгоняют раскаленные заклепки, которые летят к ним навстречу, выкрикивая кратко указания машинистам паровых кранов.

Огромный остов нового «небоскреба» вырастает, словно гриб после дождя, на самой оживленной и заселенной сплошной зарядкой улицы.

— Ребята там наверху работают? — спросил я, изумленно сознавая, довольно страшное.

Мы разговаривали со старшим надсмотрщиком за работами. Это был седой, огромного роста, бодрый старик лет семидесяти с лишним, Звали его Аллом Дизл.

— Ребята там наверху работают? — спросил он, указывая жестом на карабкавшуюся ввысь фигуру рабочих. Вам, конечно, страшно смотреть, как они бегают, словно обезьяны, — а для нас работа на высоте — просто такая удовольствия! Наша самая тяжелая работа происходит там, где нас никто не видит — под землей, когда приходится строить фундамент, в воде и грязи,

ГОРДОСТЬ НЬЮ-ЙОРКА — здание «Вулверт», имеющее высоту 237,6 метра.

ПАРОХОД приближается к берегам Америки, проходит мимо пресловутой «Статуи Свободы», которой так гордятся американцы, и вдали на поверхности океана назначают вырастать гигантские каменные громады. Это знаменитые «небоскребы», здания, занимающие прибрежную и центральную часть Нью-Йорка. Многие из них достигают 60—80 и до 90 сажен в высоту, т.е. вдвое или втройне выше Ивановской колокольни в московском Кремле. В некоторых насчитываются до 65 этажей. Дома эти заняты исключительно торговыми помещениями, складами, мастерскими компаний различных trustов страховых обществ, банков, народных компаний, биржевых дельцов, редакций газет и журналов и т. д. Жизнь кипит, как в муравейнике, люди, как оголтелые, мечутся туда и сюда, поднимаясь и опускаясь на подъемных машинах. Им дорога каждая минута, нужно спешить «делать деньги». Таким деланием

занято сознательно, довольно страшное.

Мы разговаривали со старшим надсмотрщиком за работами. Это был седой, огромного роста, бодрый старик лет семидесяти с лишним, Звали его Аллом Дизл.

— Ребята там наверху работают? — спросил он, указывая жестом на карабкавшуюся ввысь фигуру рабочих. Вам, конечно, страшно смотреть, как они бегают, словно обезьяны, — а для нас работа на высоте — просто такая удовольствия! Наша самая тяжелая работа происходит там, где нас никто не видит — под землей, когда приходится строить фундамент, в воде и грязи,

ГОРД НЕБОСКРЕБОВ, — НЬЮ-ЙОРК: — таким его видят с борта сезовой парохода человек, переплыший Атлантический океан. [СЛ.]
СПРАВА — ТЕ ЖЕ САМЫЕ ЗДАНИЯ, — финансовый и обрай в Нью-Йорке, — с оливками внизу на них с зорблона. На плане башня «Вулверт».

ВВЕРХУ — ЗНАМЕНИТЫЙ «УТЮГ», так называемый первых небоскребов Нью-Йорка — бывший с лишним этажом на седьмом третью башню формы.

а одно удовольствие. Конечно, мне приходилось видеть, как ребята иногда ссыпались, разбивались на смерть. Но если подумашь о той работе, которую они исполняют, то нужно со-заться, что несчастные случаи сравнительны редки. За прошлый год на стальных постройках во всей Америке погибло, кажется, человек десять.

Дюэл больше полвека проработал на всяко-го рода стальных постройках. Он родился в Фила-

наблюдать, как один такой заклепщик вы-таскивает раскаленные заклепки из огня и перекидывает их другому, который ложит огонь в котел для нагрева заклепок. Такие скажки. Это, действительно, работа специалистов, ибо упавшая с тридцатого или сорокового этажа заклепка может принести громадный вред прежде, чем упадет на землю. Молодые ученики целыми часами практикуются в подкидывании и подхватывании заклепок.

АДАМ ДИЭЛ,
старик рабочий,
работавший на
постройках небоскребов.

НАЧАЛО ПОСТРОЙКИ НЕБОСКРЕБА: здесь изображена установка кессона для фундамента будущего небоскреба. Для большей твердности фундамент должен быть залит на глубину 30-40 метров.

дельфи и мальчиком убежал из дома, так как не хотел ходить в школу, и находил спрятанную работу на стройке, но ее «мастера» полюбили этого сильного энергичного мальчика, с необыкновенной ловкостью и проворством во-девавшего раскаленные заклепки.

— Так я и попал на это дело,—рассказывал Адам Дюэл; потому что я, как и многие юноши, имел крепкий хребет и слабую голову. Как бы то ни было, я стал выдвигаться. В те дни конкуренция среди рабочих уже была достаточно сильной. Но к двадцати шести годам я был старшим наладчиком на стройке. Затем началась война, и пришлось побывать во всех частях света на всяких постройках—домов, мостов, судов, наладим и подземных железных дорогах.

Вся стальная промышленность Америки знает Адама Дюэла; он пользуется всемобщим уважением и почтением.

Карьера Дюэла типична для большинства рабочих в этой отрасли промышленности; они еще мальчиками поступают на работу, сначала в качестве учеников; естественно они стремятся занять лучшее положение и их заветная мечта стать поскорее «мальчиком-заклепщиком». Эта работа требует быстроты и ловкости; интересно

наблюдать, как один такой заклепщик вы-таскивает раскаленные заклепки из огня и перекидывает их другому, который ложит огонь в котел для нагрева заклепок. Такие скажки. Это, действительно, работа специалистов, ибо упавшая с тридцатого или сорокового этажа заклепка может принести громадный вред прежде, чем упадет на землю. Молодые ученики целыми часами практикуются в подкидывании и подхватывании заклепок.

«НАШИ РЕБЯТА НЕ СТРАДАЮТ ГОЛОВОКРУЖЕНИЕМ»—такова обста-новка работы на стальных постройках.

Общий вид постройки

Достижения большой ловкости и быстроты зарабатывают по 8 долларов в день.

С течением времени ученики становятся квалифицированными рабочими по постройке домов или мостов. Их труд оплачивается в размере 12 долларов за один рабочий день, а также за сверхурочное время в двойном размере. Они исполняют ясное задание по стальным работам, начиная от укрепления фундамента на глубине нескольких сажен под землей и до скрепления стальных балок в воздухе, на громадной высоте от земли.

При особой удаче рабочий может добиться положения старшего надсмотрщика; тогда зароботок его может достичь 100 долларов и больше в неделю.

Постройка небоскребов из стали и бетона представляет чрезвычайно интересную, типично американскую отрасль промышленности. Полвека назад когда Дюэл убежал из дома и поступил первые на работу, кирпичная стройка в девятом этаже была предельной и не всегда считалась безопасной. Только с изобретением бесшемеровской стали между 1850 и 1860 годами Генри Бессемером стало возможным изготавливать огромные болванки различных форм для прокатки. Это позволило строить цепь остатков из стальных балок и перекладин для таких величайших в мире зданий, как Башня Бульвара в Нью-Йорке и Храм Науки в Питтсбурге.

Адам Дюэл, этот старый, верный слуга капиталистов, один из тысячи—удачливый одиночка—слишком радужно и замачиво рисует жизнь и работу строителей «небоскребов». И работа на высоте, чистом воздухе для них одно удовольствие, разбираются и урудуются довольно редко, а платят им по 12 долларов в день. Чего же лучше сделать, чтобы избежать опасности? Просто обернуться на балконе с куском хлеба и кружкой чая, или сидячики верхом на перекладине высыпывающими вниз эмали для заклепок — невольно по нашей советской привычке спросишь себя: «А где же у вас ребята охраны труда?»

Но дело в том, что, хотя профессиональные движение в Америке и развито широко, но во-первых, не обнегает всей массы рабочих

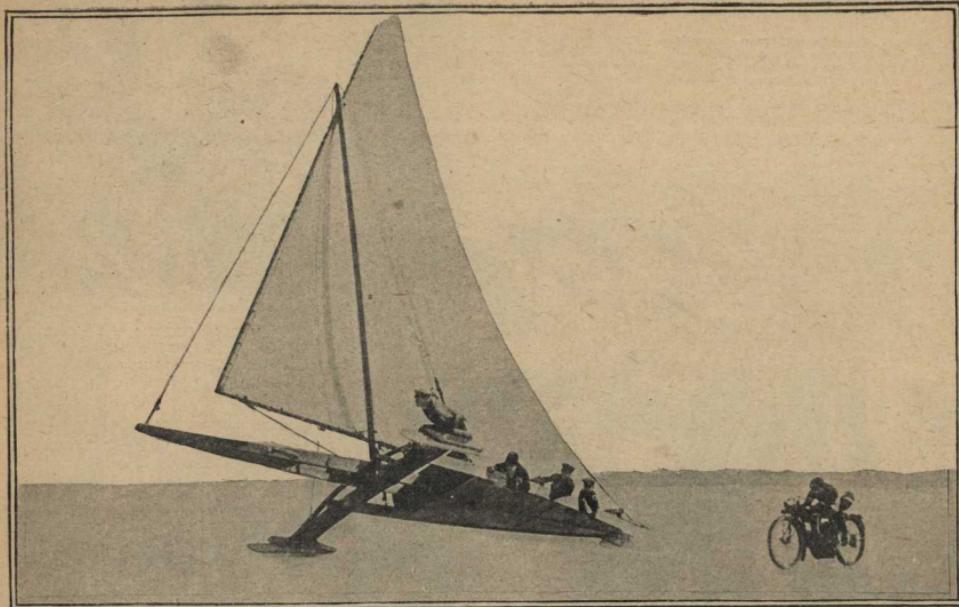
во-вторых, ведет лишь экономическую борьбу с капиталом, не ставя перед собой серьезных политических задач, а пре-следует лишь узко профессиональные цели.

Высокая оплата труда американских рабочих в сравнении с их европейскими собратьями несправедливо лучше условия их жизни, возможность легкого обогащения,— все это пока еще толкает пролетариев на борьбу с капиталом, но не с со-трудничеством труда и капитала. Самая большая обединение рабочих является «Американская федерация труда», насчи-тывающая в своих рядах сыне двух мил-лионов рабочих. Входит эта организация ведут линию на классовое разложение и омечивание рабочего класса.

Американские рабочие, хотя и медленно, начинают просернат и сознавать, что, только последовав примеру русского рабочего и свергнув капиталистов,— они сделают свой труд действительно радостным и счастливым и выйдут на сметливый путь социализма.

ТОЛЬКО ПРИГОТОВЛЕНИЕ ДИНАМИТА ОПАСНЕЕ ЭТОЙ РАБОТЫ—рабочий-каматап-щих на работе. В руках у него якорь, которым он ловит воручь заклепки на расстоянии несколь-ких сажен.

БУЕР ПРОТИВ МОТОЦИКЛЕТА—одна из гонок, устроенных на озере Онтарио (Северная Америка), в которой буэр победил. На снимке хорошо видны: характерное положение накренившегося буера и команда, лежащая на каветренном борту (в противовес крену)

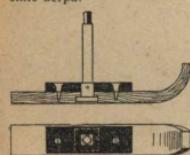
БУЕРНЫЙ СПОРТ

Б. ВИНТЕР

ДЛЯ НАС развитие буерного спорта ценно тем что он является лучшей подготовкой к управлению яхтой. Последнему в Красном флоте уделяется большое внимание. Буерист, знакомый с практикой управления яхтой, лучше всего приспособлен использовать силы ветра во флот уже подготовленным военном. Принципы управления парусным буером ничем не отличаются от управления яхтой; таким образом здесь на практике можно изучить парусное мореходство.

Буеру нужно лишь одно условие—это наличие больших ровных пространств льда (изморозь большого озера и т. д.). Езда на буере по снегу связана со многими недостатками.

Как на первую ступеньку к буеру указем на так называемого «человека на парусах». Это весьма привлекательное занятие для людей под парусом на лыжах или коньках. Здесь человек служит в качестве мачты опиравшись парусом и спиной. Этот вид спорта весьма ценен и в чисто физическом отношении ибо развивает равномерно мускулатуру всего тела: парус требует упора тела, упругости, противодействия силе ветра.

СЛЕВА: РУЛЕВАЯ ЛЫЖА ДЛЯ ВЪЗДЫ ПО СНЕГУ: Она делается из цельной колодки. Боковые полозья отличаются от нее большей длиной и тем, что имеют две ножки.

СПРАВА: ПОЛОЗЬЯ И РУЛЬ БУЕРА—они должны быть сделаны из толстого жгута с прикрепленными ножками и прикрепляются к буеру гайками

Коньковый парус делается из трех палок (лучше бамбуковых как наиболее легких) размерами 160—200 сант. (средняя горизонтальная) и 60 см. Палки скрепляются или металлической скобой, или липкой лентой. Моржи скрепляются складным при помощи петель которые употребляются для двери шкафов. Полотнища прикрепляются к оствуру на концах с винченым петлям и держатся при катании за спиной под некоторым углом к направлению движения; изменение этого угла дает возможность лавировать и изменять скорость.

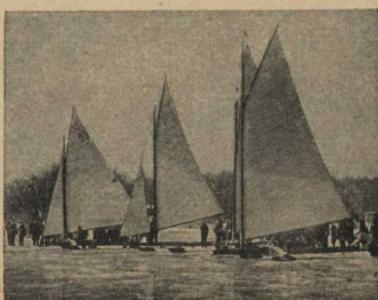
Гонческий парус делается установкой палок крестообразно с спиной. Крестоны имеют длину около 400 до 500 сант., смотря по росту спортсмена. Для среднего веса лыжника, считая вместе с одежду, парус 5 палок имеет длину паруса 7—9 километров. Должно слышать, что парус не был слишком высок, ибо тогда ветер будет перекидывать его через голову. При небольшом росте парус делается шире и ниже.

Второй ступенью к постройке настоящего буера служит изготовление моделей буеров в 20—

25 сант. длины. Устраивая состязания моделей конструкторы臺灣цы смогут усовершенствовать и найти наиболее совершенный тип по своей легкости, упрочненности и точности пригонки частей. Всегда следует обратить серьезное внимание и не счи-тать это детской забавой.

Теперь приступим к описанию нормального типа буера.

Основное качество хорошего буера—это прочность и легкость. Дерево употребляют: дуб, ясень, сосна (не из осины); рангоут (мачта, деревянные части парусности) делают из ели с утончением к одному концу, во избежание перегибов в середине. Все деревянные части должны быть не гниущими, кроме переднего

Старт буерной гонки в Норвегии

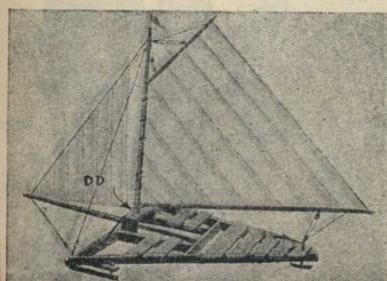

ЧЕЛОВЕК НА ПАРУСАХ: это очень интересное применение паруса для конькобежца у нас почти нигде не встречается, хотя за границей им очень увлекаются

брюса (подушки), который эластичен и должен смягчать удары коньков об лед. Дерево берется без сучков, с мелкой прослойкой. Следует избегать в креплениях толстых сквозных болтов (отверстия уменьшают прочность дерева) и крепить железными скобами.

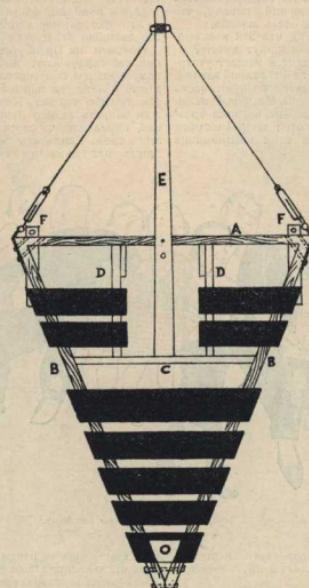
Основа буера—треугольный остов АВВ из еловых брусьев 15×5 сант. Главная поперечина имеет длину 60 сант. Основные брусья имеют 95 сант. от бруса А, имеет длину 150 сант. и скреплена с А двумя пролонгами Д. Основные брусья А, В и В скреплены между собой в углах болтами 12—15 сант. диаметром, а сверху железными накладками в форме углов. Бушприт Е имеет квадратное сечение со стороной в 5 сант. у переднего конца и до 10 сант. у заднего, где он тут же входит в поперечину С, болтом скреплен с А и тягами с концами переднего бруса.

На конце планок Д и Д набивается скамейка отверстием для мачты. Скамейку можно сделать открытой для провизии. Доски Д служат подиумом (для пассажиров). Их можно набить чаще и сделать сплошными. В отверстия F и F (слева и справа) входят болты от полозьев коньков. Полозья следует заказать кузнец или слесарю. Он сделает их из массивного железа, длиной в 75 сант. и вышиною в 30 сант. Ножки коньков укрепляются к буеру гайками.

ОБЩИЙ ВИД САМОДЕЛЬНОГО БУЕРА—на снимке хорошо видна скамьи ДД, служащая для упора мачты

Руль буера имеет тело в 35 сант. длины, закругленное с двух сторон и ось, вокруг которой он вращается («рудерпинс»), с наклонным упором, вырезом квадратного сечения для ручки («румпеля») и гаечной нарезкой. В кормовую часть буера вставляется толстый деревянный треугольник, 10—15 сант. толщиной (он обозначен пунктиром на большом рисунке) с отверстием, вокруг которого (снизу) набивается железное кольцо для рулевого упора. Сюда вставляется руль и румпель закрепляется гайкой.

САМОДЕЛЬНЫЙ БУЕР: АВВ—основная рама буера; СДД—распорки, служащие для прибивания большей прочности; ЕЕ—скамейка для упора мачты; FF—моста прикрепления коньков; О—занек. До руля. Чёрными показаны доски настила.

Между прочим коньки можно сделать также и деревянными, обив снизу и спереди массивным железом (эти реакки лучше сделать стальными). Для смягчения ударов жестально на упор конька положить под корпус буера массивное резиновое кольцо.

Мачта из стальной ели имеет высоту (при данных размерах буера) в 360 сант., 12 сант. диаметра внизу и 9 сант. наверху. Мачта укрепляется в отверстии скамейки, связанных на крепко углами с бушпритом и удергивается тягами.

Наш бурьи оснащен двумя парусами: рейковым громом (в виде трапеции) и кливером (треугольной формы). Мачта имеет длину 360 сант.—верхний (гафель) и 365 сант.—нижний (тик). Таким образом парус имеет размеры: у мачты 245 сант., 150 сант. по гафлю, 350 сант. по гику и 395 сант. по наружному краю. Оба рейка имеют вилобразное начало, упирающееся в мачту. Паруса связываются на толстой парусине, по размерам, которую мы указали, подрубаются и через обшивые отверстия пришпильиваются к рейкам. На нижней мачте парус ходит на шести колышах. На рейковом громе в один или два горизонтальных ряда делают отверстия, через которые пропускают бечевки, торчащие с обеих сторон; с их помощью можно при сильном вете уменьшить площадь паруса, брать рифы.

СНАРЯЖЕНИЕ БУЕРА на зимней станции Ленинградского Губропросвета. Наши буеры дают скорость около 300 верст в час

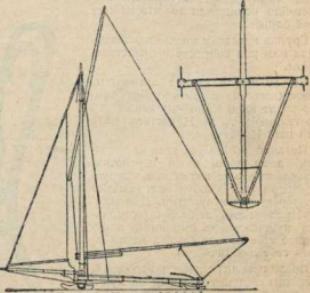
подтягивая и укрепляя на них реек (риф-сезина).

Крепление парусов производится пятью блоками: два на кормовой стороне вверху мачты у гафеля, один с противоположной стороны для кливера, два на самом гафеле. Фал (веревка) для подъема рейкового грома закреплен на конце гафеля, проходит через верхний блок мачты, верхний блок гафеля и снова через верхний блок мачты идет к мачте. Блоки свободно вешаются на концах мачты и опускаются на палубу, где и закрепляются. Этим фалом рейковый гром опускается и поднимается. Парусину для хорошего хода должна быть большой. Она вычисляется по формуле (поверхность паруса = $3\pi R^2$, где R —ширина буера). Лыжи делаются шириной от 6 до 10 сант. Маленький бурьи лучше ходят на широких, больших—на узких лыжах. Боковые лыжи должны быть длиною от 30 до 15 сант., вогнутой не более 10 сант.

Вот краткое описание постройки простейшего буера.

Управление буером весьма схоже с управлением парусной лодкой, с той разницей, что здесь нет опасностей, связанных с плаванием на воде.

Желающие все это могут найти в любом руководстве парусного спорта. Из всех литературы на русском языке указано наиболее солидные: Людвиг—«Парусный спорт» и Дингвуйский—«Практическое руководство к парусному плаванию».

БЫСТРОХОДНЫЙ БУЕР—он имеет основание из четырех брусьев и большую парусность

